К77 S/104

И. А. Тихомировъ.

Ярославское Поволжье.

(Краткій путеводитель).

Угличъ. — Мышкинъ. — Молога. — Рыбинскъ. — Романовъ-Борисоглѣбскъ. — Толгскій монастырь. — Ярославль.

Цѣна 25 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія В. В. Шпееръ, Духовская ул., д. № 59.
1909.

Оглавленіе.

	Стр.
Угличъ	1
Мышкинъ	18
Молога	22
Рыбинскъ	29
Романовъ-Борисоглѣбскъ	30
Толгскій монастырь	36
Ярославль	43

20172
16-VIII-30 г.
К77 5/104
1182/3

Ярославское Поволжье.

УГЛИЧЪ.

Первымъ болѣе крупнымъ и древнимъ мѣстомъ на верхней ярославской Волгѣ является нынѣ уѣздный городъ *Угличъ*, —древнее Углече поле, затѣмъ Углечъ и только съ XVIII в. Угличъ.

Въ письменности онъ упоминается впервые лишь въ 1148—1149 г. и притомъ, хотя и подъ именемъ Углече поле, но уже не какъ поле, а какъ поселеніе, сожженное и раззоренное вмѣстѣ съ другими поселеніями, расположенными на Волгѣ до Мологи, сводною ратью великаго князя кіевскаго Изяслава Мстиславича (Мономахова), его брата—смоленскаго князя Ростислава, новгородцевъ, псковичанъ и кареловъ. Изяславъ мстилъ Юрію Долгорукому за его вѣроломство и за новгородцевъ и по тогдашнему обычаю опустошалъ подвластныя Юрію земли Ростовско-Суздальской области: «и начаша городы его жечи и села, и всю землю его воевати оба—полъ Волги, поидоста оттолѣ на Углече поле». (Ипат. спис. лѣтописи).

Не смотря, однако, на позднее упоминаніе объ Угличѣ въ письменности, есть основанія предполагать, что Угличъ существовалъ гораздо ранѣе и притомъ именно какъ городъ (укрѣпленіе, ограда, фортъ), хотя и не на настоящемъ его мѣстѣ, на которое онъ перенесенъ, всего вѣроятнѣе, Юріемъ Долгорукимъ-первымъ виднымъ устроителемъ Ростово-Суздальской области, княжившимъ въ ней съ ранняго дѣтства и почти до

смерти. Дѣло въ томъ, что въ 1880 г. близъ Углича, у подошвы Богоявленской горы, былъ найденъ сплавщиками лѣса большой кладъ серебряныхъ восточныхъ монетъ (205 цѣлыхъ и 909 частей—„рѣзани"—половинокъ и четвертинокъ) VII и VIII-го в. в. съ ничтожной примѣсью монетъ начала IX в. Такія монеты находили тутъ и позже и еще въ 1897 году Ярославскою Архивною Комиссіею было куплено ихъ нѣсколько штукъ для своего собранія. Кромѣ того, при раскопкахъ мною кургановъ, расположенныхъ на другомъ берегу (правомъ) Волги по Грѣхову ручью, впадающему въ послѣднюю, найдена также серебряная монета той же поры, опредѣляющая время и самаго курганнаго кладбища. Эти данныя заставляютъ задуматься о судьбѣ Угличскаго края въ доисторическое для него время. Такой большой кладъ, каковъ найденный въ 1880 г., не могъ попасть на Волгу подъ Угличъ случайно,—онъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ мѣстѣ бывали люди и притомъ богатые, которыми въ то далекое время были только торговцы и воины,—въ мирное время, особенно же, послѣ походовъ и полюдья занимавшіеся также торговлею. Кромѣ того, кладъ говоритъ еще о томъ, что такіе богатые люди останавливались тутъ для какихъ-то надобностей и, по всей вѣроятности, даже жили тутъ, ибо трудно допустить, чтобы такой большой кладъ зарыли на походѣ. Если же около Углича жили, или, даже, если только временно проживали богатые люди, то обязательно тутъ же жили и средніе, и бѣдные, такъ какъ богатымъ на пустырѣ дѣлать нечего. Другими словами,—кладъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что *въ началѣ IX в. около Углича было поселеніе.* Эти отвлеченныя заключенія подтверждаетъ и, притомъ, очень вѣско наличность вблизи мѣста находки клада

курганнаго кладбища одновременнаго кладу. Въ самомъ дѣлѣ, разъ есть могилы (курганы), были и люди, хоронившіе въ нихъ своихъ умершихъ родственниковъ, а разъ были люди, то, очевидно они должны были гдѣ нибудь жить и, притомъ, конечно, недалеко отъ кладбища; около него и существовало въ древности *городище*, т. е остатки города. Такимъ образомъ, существованіе доисторическаго поселенія въ окрестностяхъ нынѣшняго Углича становится почти несомнѣннымъ.

Но гдѣ могло быть это поселеніе и нельзя ли узнать о немъ еще что-нибудь, пристально всматриваясь въ сѣдую мглу далекаго прошедшаго? Кажется, можно. Обратимъ прежде всего вниманіе на древнее названіе нынѣшняго Углича. Его звали не Угличемъ, а *„Углече поле“*. Разумѣется, *селенія* не могли назвать съ перваго раза *полемъ*, ибо эти понятія не совмѣстимы, и разъ болѣе позднее поселеніе все таки называлось полемъ, то самое это обстоятельство заставляетъ уже заключить, что занятое поселеніемъ урочище задолго до возникновенія поселенія прочно усвоило свое названіе, которое и перенеслось, —механически и безсознательно,— на зародившееся на немъ позже, въ началѣ, конечно, небольшое, поселеніе. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что доисторическое угличское поселеніе находилось не на мѣстѣ нынѣшняго Углича, не на полѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ же? Отыскивая это мѣсто, пытливый взглядъ изслѣдователя невольно останавливается на двухъ мѣстахъ: на Грѣховомъ ручьѣ, на которомъ въ XVI в. существовалъ монастырь „Николы на *городищѣ*“, упоминаемый въ жалованныхъ грамотахъ Грознаго и царевича Дмитрія, и на Богоявленской горѣ, высшей точкѣ окрестностей нынѣшняго Углича. У ея подошвы былъ найденъ упомянутый кладъ, а на ея вершинѣ

Государственная публичная

въ болѣе позднее время стоялъ также деревянный, неизвѣстно когда и кѣмъ основанный, Богоявленскій монастырь, разоренный и уничтоженный поляками въ 1608 году и болѣе уже невозобновлявшійся. Нынѣ лишь названіе горы да обнажаемые осыпями почвы гробы глухо напоминаютъ о древней обители. Извѣстно, что наши болѣе древніе монастыри строились или въ непосредственномъ сосѣдствѣ городовъ, подъ ихъ защитою, или на священныхъ мѣстахъ язычества, чрезвычайно упорно и долго (до XII, мѣстами до XV в.) боровшагося здѣсь съ христіанствомъ. Извѣстно также, что славяне свои города (крѣпости) строили на высокихъ мѣстахъ, на мысахъ, защищенныхъ рѣкою или озеромъ крутизнами ихъ береговъ. Всѣмъ этимъ условіямъ и отвѣчаетъ какъ грѣхо-ручейное городище, такъ и Богоявленская гора, расположенная между Волгою и впадающею въ нее р. Корожечной.

Можно кое-что извлечь и изъ самаго имени „Углече поле“. Форма „Углече“ есть прилагательное притяжательное отъ „Углечъ“ и значитъ: поле Углеча. До сихъ поръ пытались объяснить это названіе,—одни отъ *угла*, образуемаго русломъ Волги подъ Угличемъ, другіе отъ слова *уголекъ*, но и то и другое объясненіе нельзя признать удачными, какъ неимѣющія подъ собою достаточно твердой почвы и отличающіяся дѣланностью. Не прибѣгая къ искуственности и натяжкамъ, лучше всего обратиться къ самому названію и постараться объяснить его изъ него же самого. Если поле было Углеча или, въ старой формѣ, Углече, то ясно, что то, чему или кому оно принадлежало, именовалось Углечь, форма же „Углечъ“ есть не что иное, какъ „Углецъ“ въ западно-русскомъ произношеніи, смягчающемъ шипящіе звуки т. е. уменьшительное отъ *уголъ*, древняго *—углъ*. Что

же въ окрестностяхъ Углича могло зваться Углецомъ или, на современномъ языкѣ Уголкомъ? Конечно, не изгибъ рѣки, обозначаемый въ Великороссіи словами: изгибъ, колѣно, лука, и проч., но и не уголъ. Но тогда что же? Кажется, вѣрнѣе всего думать, что доисторическій Угличъ—поселеніе на Богоявленской горѣ или на Грѣховомъ ручьѣ. Чѣмъ вызвано названіе поселеній углами, это еще не выяснено, но что такія названія дѣйствительно были и есть, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія въ виду существованія поселеній съ подобными названіями, а именно, кромѣ Углеча—Углеца былъ еще Медвѣжій уголъ (до историческій Ярославль), а также село съ его округомъ во Владимірской губерніи, упоминаемые подъ 1647 г., урочище и волость—Углецъ Константиновъ, упоминаемыя подъ 1659 г. и нынѣ занятыя пошехонскою Исаковскою пустынью и дер. Куклинъ Уголъ, донынѣ существующая въ Даниловскомъ уѣздѣ. Болѣе крупное поселенье звалось Уголъ, а небольшое, какимъ былъ доисторическій Угличъ,—Углецъ (углечъ, уголокъ). Возможно, что Углечское поле принадлежало доисторическому поселенію Углечу—Углецу, вслѣдствіе чего и получило свое названіе, но еще возможнѣе, что это названіе дано полю не по принадлежности къ его поселенью (ибо въ VIII и въ IX в.в. земли не имѣли почти никакой цѣнности), а потому, что сосѣдство поселеній составляло наиболѣе отличительный признакъ даннаго дикаго поля *).

Собственно говоря, «Углече поле» было первоначально не названіемъ и даже не прозвищемъ, а простымъ обозначеніемъ мѣста, въ родѣ существующихъ до-

*) Такъ въ Ярославлѣ есть Михайловское поле названіе такъ потому только, что оно расположено противъ церкви Михаила Архангела, которой не принадлежитъ и не принадлежало.

нынѣ описательныхъ указаній (красное раменье, долгая лужа, черныя грязи, монастырскій лѣсъ и пр.) и только со временемъ, войдя въ постоянный обиходъ и закрѣпясь отъ частаго употребленія за даннымъ мѣстомъ, получило значеніе прозвища, а позже превратилось и въ названіе. Еще замѣчаніе. «Углечеп оле» названіе, несомнѣнно, словянское, слѣдовательно доисторическій Углечъ былъ построенъ и населенъ славянами, и, судя по формѣ названія, западно-русскими, т. е. кривичами, средоточіемъ которыхъ былъ Смоленскъ. Костяки грѣхо-ручейныхъ кургановъ принадлежатъ также славянамъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ размѣры и форма череповъ—(ростъ высокій, черепъ длинно-головый).

Но что могло привлечь славянъ на верхнюю ярославскую Волгу и заставить поселиться въ этомъ пустынномъ и въ тѣ времена, удаленномъ отъ поселеній, мѣстѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказываетъ богоявленскій кладъ. Побудительной причиною поселенія тутъ славянъ была торговля или товаро-обмѣнъ. Все, что спускалось съ верхней, тверской Волги, здѣсь выгружалось и переправлялось на р. Устье и по ней сплавлялось или вдоль ея перевозилось въ Ростовъ—средоточіе всей Ростовско-Суздальской области. А гдѣ разгрузка товара, гдѣ привалъ судовъ, тамъ и торгъ, а гдѣ торгъ, тамъ и поселенье. Такимъ образомъ, возникновеніе Углича, или, правильнѣе, Углеча, нужно отодвинуть по крайней мѣрѣ къ началу IX в., т. е. приписать ему почти одинаковую съ Ростовомъ древность. Эти данныя добыты древлевѣдѣніемъ, изъ области котораго можно упомянуть еще, что на р. Корожечнѣ, текущей къ Угличу съ запада, донынѣ существуетъ деревня Городищи, (въ 12 в. отъ Углича), своимъ именемъ говорящая о славянскомъ прошломъ этого края, и урочище—го-

родокъ Кочемъ (въ 4 в. отъ села Климатина и въ 24 верстахъ отъ Углича)— напоминающее о финскихъ туземцахъ Ростовской области—мери или веси и упоминаемое въ грамотѣ царей Іоанна и Петра, данной Василію Никитичу Тютчеву. Кромѣ отмѣченныхъ мѣстъ въ Угличскомъ краѣ есть еще нѣсколько селеній съ именемъ Городище. Такъ выше Углича на 14—15 вер., на лѣвомъ берегу Волги, находится дер. Городище, близъ села Павловское—Перхурово, при ручьѣ; мѣстоположеніе ея признается однимъ изъ самыхъ высокихъ въ губерніи. Ниже Углича на 9 в., у села Воскресенскаго, на мысу при впаденіи въ Волгу ручья Трухина, сохраняются еще слѣды городка. Между Угличемъ и Мышкинымъ, внутри страны (отъ с. Учмы верстахъ въ 8-ми къ востоку) при сліяніи р. р. Улеймы съ Юхотью расположена дер. Городище, за которою еще сохранились остатки бывшаго тутъ городка въ видѣ холма 14 14. 1½ саж. и курганы. Эти городки—свидѣтели заселенія Ярославской губерніи славянами, или удѣльно-княжеской поры, когда размножившіеся потомки ярославскихъ князей принуждены были довольствоваться крошечными княжествами-отчинами, въ которыхъ все-таки продолжали строить свои княжіе города.

Обращаясь къ историческимъ временамъ Углича и угличскаго края, нужно замѣтить, что ихъ историческое прошлое небогато выдающимися событіями, но за то нѣкоторыя изъ нихъ какъ наприм. смерть царевича Димитрія, имѣли огромное значеніе для всего русскаго государства. Первое время Угличъ, какъ часть Ростовской области, былъ въ зависимости отъ Ростова и управлялся великокняжескими намѣстниками или „княжими мужами“ иначе—подручными князьями, сидѣвшими въ Ростовѣ. Владиміръ св. замѣнилъ (по примѣру отца) во многихъ мѣстахъ кня-

жихъ мужей своими сыновьями, оставшимися при жизни отца все тѣми же подручными князьями. Въ Ростовъ былъ посаженъ Владиміромъ въ 988 г. Ярославъ, переведенный въ томъ же году въ Новгородъ, на мѣсто умершаго старшаго его брата Вышеслава, а въ Ростовъ назначенъ былъ любимецъ Владиміра Борисъ (Давидъ), убитый по приказанію брата Святополка въ 1015 г. на берегахъ р. Альты (притока Трубежа, въ Полтавской губ.), близъ г. Переяславля—южнаго. Назначенный въ Ростовъ еще очень юнымъ, Борисъ и послѣ мало жилъ въ немъ, проводя большую часть времени у отца. Послѣ смерти Бориса Ростовско-Суздальская область отошла опять къ Ярославу, а послѣ его смерти—къ его сыну Всеволоду—южно-переяславскому князю, едвали даже и бывавшему тамъ, но за то нерѣдко посылавшему въ Ростовъ своего сына Владиміра, впослѣдствіи знаменитаго Мономаха. Во время одного изъ такихъ путешествій Мономахъ написалъ, «сидя на санѣхъ,» свое извѣстное поученіе дѣтямъ, какъ доказываютъ въ Угличѣ или близъ него. Этотъ князь водворяетъ здѣсь на постоянное жительство своихъ дѣтей,—сперва Изяслава, потомъ Мстислава (не надолго) и наконецъ Юрія (Георгія), прозваннаго позже Долгорукимъ. Съ этихъ поръ князья здѣсь не переводятся вплоть до постепеннаго присоединенія древней Ростовско-Суздальской области къ московскому княжеству.

Юрій Долгорукій, хотя и оставилъ по себѣ не особенно добрую память по отношенію всего русскаго государства, но для своей области за свое долгое почти 40-лѣтнее княженіе въ ней, онъ сдѣлалъ не мало полезнаго, и она все время оставалась въ его родѣ. Съ него, строго разсуждая, и начинается линія собственно ростовско-суздальскихъ (владимірскихъ) князей, такъ какъ князья,

бывшіе до него, или умирали бездѣтными, или правили областью временно. Его дѣти, сперва Андрей, прозванный Боголюбскимъ, а послѣ него Всеволодъ (Димитрій) —Большое Гнѣздо, восхваляемый «Словомъ о полку Игоревѣ,» возвышаютъ древнюю Ростовско-Суздальскую область еще больше, образовавъ самостоятельное и сильное великое Владимірское княженье. По смерти Всеволода Юрьевича единое Владимірское княженье распалось въ 1212 г. на два—Владимірское и Ростовское, въ которомъ сидѣлъ сынъ Всеволода—Константинъ, заслужившій названіе Мудраго. Отнявъ Владиміръ у брата Георгія —Юрія, Константинъ раздѣлилъ въ 1214 году ростовское княжество на удѣлы между своими сыновьями, отдавъ Ростовъ Василью (Василько), Ярославль —Всеволоду и Угличъ — Владиміру— (Димитрію). Послѣ смерти Константина эти удѣлы превратились въ отдѣльныя самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга княжества—ростовское, ярославское и угличское, подъ общимъ главенствомъ владимірскаго князя Георгія Всеволодовича—брата Константина, т. е. дяди ростовскаго, ярославскаго и угличскаго князей. Прямые потомки Константина дольше всего держались въ ростовскомъ княжествѣ, а скорѣй всего прекратились въ угличскомъ.

Изъ угличскихъ князей выдающихся было немного. Съ особенной похвалою народная память отзывается о третьемъ изъ нихъ, внукѣ Константина—Романѣ Владиміровичѣ, причтенномъ къ лику святыхъ. Отличаясь большою набожностью, кротостью, смиреніемъ и любовью къ ближнему, онъ, по преданію, долго отказывался принять на себя княженье послѣ смерти бездѣтнаго брата Андрея и совѣтовалъ избрать кого, нибудь другого. Однако, угличанамъ въ концѣ концовъ удалось упросить его, и онъ княжилъ среди нихъ 24 го-

да, съ 1261—1285 г. Его княженіе было лучшею порою и разцвѣтомъ Угличскаго края. Всю свою жизнь онъ ни съ кѣмъ не воевалъ, и не входилъ ни въ какія распри; пользуясь миромъ и правосудіемъ, подданные его благоденствовали, спокойно занимаясь мирнымъ трудомъ; развивалась торговля, ремесла и промыслы, населеніе богатѣло и быстро увеличивалось, такъ какъ спокойная жизнь въ княжествѣ привлекала многочисленныхъ переселенцевъ въ него изъ сосѣднихъ областей, способствуя заселенію пустырей и оживленію края. Житіе князя Романа разсказываетъ, что онъ строилъ пріюты для бѣдныхъ и сирыхъ, заводилъ училища, сооружалъ храмы и съ великою любовью относился къ своимъ подданнымъ и духовенству, чутко откликаясь на всякую нужду, горе, печаль и бѣдствіе. Большого значенія этому житію нельзя, конечно, придавать, какъ составленному много лѣтъ спустя послѣ смерти князя и извѣстному лишь въ спискахъ XVIII ст., но общій его тонъ, несомнѣнно, вѣренъ.

Крупное значеніе князя Романа для Угличскаго края и, особенно, для г. Углича подтверждается между прочимъ произведенными мною въ 1900 г. раскопками въ угличскомъ кремлѣ. Эти раскопки обнаружили, что въ XIII в. въ небольшомъ и нынѣ захудаломъ Угличѣ былъ каменнымъ не только весь княжій дворъ, въ составъ котораго входилъ и т. назыв. дворецъ царевича Димитрія, но что этотъ дворъ вмѣстѣ съ Преображенскимъ соборомъ былъ еще окруженъ и каменною стѣною. По обнаруженнымъ остаткамъ стѣны можно думать, что она окружала весь кремль, возвышаясь по самымъ берегамъ Волги и двухъ ручьевъ, впадающихъ въ нее. Крутизна этихъ береговъ придавали „городу“ еще большую неприступность. Вмѣстѣ съ этимъ раскопки показали также, что зданія княжаго

двора, планъ части которыхъ удалось возстановить, благодаря сохранившимся фундаментамъ, были украшены точно такими же изразцами, какъ и дворецъ царевича Димитрія, и карнизами изъ тесанаго кирпича, что полы въ нихъ были высланы кирпичемъ, а крыши крыты желобчатою черепицею, что многія комнаты были очень невелики, а другія примыкали непосредственно къ собору, тоже каменному, и къ городской стѣнѣ, образуя одно сплоченное цѣлое, нѣсколько напоминавшее въ общемъ западные средне-вѣковые замки. Наконецъ, найденные муравленные зеленые печные изразцы, свидѣтельствуютъ, что печи въ зданіяхъ княжаго двора были изразчатыя. Изученіе найденнаго при раскопкахъ матеріала показало съ несомнѣнностью, что онъ, если не восточнаго происхожденія, что трудно допустить при тогдашнемъ состояніи путей сообщенія, то изготовленъ на мѣстѣ восточными мастерами, строившими, конечно, и самый княжій дворъ или городъ, такъ какъ русскихъ каменщиковъ тогда было еще очень мало, да и тѣ были лишь учениками и, самое большое, подмастерьями своихъ восточныхъ руководителей.*)

Извѣстная донынѣ древняя письменность ни однимъ словомъ не обмолвливается о только что разсказанномъ и, не прійди ей на помощь древлевѣдѣніе

---

*) Во Владимірѣ тогда уже существовали его знаменитыя каменныя сооруженія, но они строены также не мѣстными мастерами. Кромѣ того ихъ пошибъ (стиль) не имѣетъ ничего общаго съ пошибомъ угличскихъ зданій. Послѣднія по наружной отдѣлкѣ очень близки къ храму Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (Бѣлозер. Новгород. губ.), построенному въ 1490 г. Но отдѣлка этого храма, какъ болѣе поздняя, представляетъ дальнѣйшее развитіе угличскихъ пріемовъ,—изразцы мельче, баляснникъ въ гнѣздахъ поливной, углубленія узорной кирпичной каймы, воспроизводящей деревянную „геометрическую“ рѣзьбу, большаго числа видовъ.

съ его раскопками, мы и не подозрѣвали бы даже о такомъ важномъ случаѣ нашей древней исторіи, какъ существованіе каменнаго кремля въ Угличѣ въ XIII в. Значеніе этого открытія выступитъ яснѣе, если принять во вниманіе, что каменнаго «города» не было ни въ Ростовѣ, ни во Владимірѣ, ни въ другихъ городахъ, за исключеніемъ Кіева, обнесеннаго каменною стѣною Ярославомъ I-мъ, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ, украсившіе свой излюбленный Владиміръ великолѣпными соборами и золотыми воротами, устроенными также иностранными мастерами и притомъ не изъ кирпича, а изъ тесанаго камня, не рискнули окружить его каменною стѣною, а тихій Романъ создалъ на Волгѣ, въ крошечномъ Угличѣ, цѣлый каменный городъ, остатокъ котораго—палата царевича Димитрія—уцѣлѣла до нашихъ дней, простоявъ 600 лѣтъ, изъ которыхъ по десяткамъ лѣтъ бывала въ забросѣ, безъ всякаго призора переживъ сверхъ того множество пожаровъ и разореній. Почтенная старина, почтенное сооруженіе.

Какъ молчитъ письменность о времени возникновенія каменнаго города въ Угличѣ, такъ не отмѣчаетъ она и времени его уничтоженія, свидѣтельствуя лишь, что въ самомъ началѣ XVII в. (1617 г.) тамъ былъ уже «деревянный городъ», уничтоженный лишь въ концѣ XVIII в. послѣ перераспланировки русскихъ городовъ при императрицѣ Екатеринѣ II.

При нашествіи татаръ Угличъ, встрѣтившій ихъ хлѣбомъ—солью, небылъ разоренъ, но до 1244 г. оставался безъ князя (Владиміра), нехотѣвшаго покориться имъ. Послѣ смерти бездѣтнаго кн. Романа Угличъ, какъ выморочный, перешелъ къ поколѣнью ростовскихъ князей и ими впослѣдствіи проданъ за 5.000 руб. московскому князю Ивану Даниловичу Калитѣ. При Димитріи

Ивановичѣ Донскомъ городъ посѣтилъ московскій митрополитъ Алексѣй и положилъ основаніе Алексѣевскаго (спер ва Успенскаго) монастырька, что на Огневѣ слободѣ, существующаго донынѣ.

Но вообще московское владѣніе Угличемъ оставило печальныя воспоминанія въ немъ. Здѣсь томился въ заточеніи ослѣпленный союзниками Дмитрія Юрьевича Шемяки великій князь Василій Васильевичъ Темный (слѣпой) со всѣмъ своимъ семействомъ, здѣсь же княжилъ и сынъ его Андрей, котораго много и несправедливо обижалъ его братъ Иванъ III великій князь московскій, въ концѣ концовъ заключившій Андрея, прозваннаго за его злоключенія Горяемъ, въ переяславскую тюрьму въ 1492 г., гдѣ тотъ и умеръ въ томъ же году; здѣсь же, хотя и не въ заключеніи, а лишь въ вынужденномъ безбрачіи, томился сынъ Ивана III Димитрій, и сюда же, наконецъ былъ удаленъ послѣдній Рюриковичъ—ребенокъ царевичъ Дмитрій Ивановичъ, сынъ Грознаго, безвременно погибшій въ угличскомъ кремлѣ.

Наука до сихъ поръ не рѣшила, кто виновенъ въ смерти царевича, но народная молва, на основаніи пущенныхъ въ свое время врагами Б. Годунова Шуйскими слуховъ, связываетъ эту смерть съ именемъ Бориса Годунова. Послѣдній часъ царевича былъ и послѣднимъ часомъ процвѣтанія Углича; жестоко наказанный Годуновымъ, разгромленный и сожженный поляками, онъ захудалъ и донынѣ остается мало замѣтнымъ.

Изъ памятниковъ былого величія Углича уцѣлѣло въ немъ немного. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ, конечно, „палата царевича Димитрія“ — дворецъ прозванный такъ по послѣднему ея царственному обитателю. Построенный въ XIII в., онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ многое множество и людскихъ радостей, и люд-

скихъ горестей; сколько разъ его безмолвныя стѣны лизало жгучее знойное пламя и обволакивали густые клубы чернаго дыма многократныхъ опустошительныхъ пожарищъ! И, наконецъ, дикая злоба озвѣрѣлыхъ людей, нахлынувшихъ на Русь изъ Польши и Литвы и приставшихъ къ нимъ на мѣстѣ, не только обагрила невинною кровью его порогъ, но, по увѣренію современниковъ, залила и его глубокіе подвалы. Темная угрюмая, сѣдая старина витаетъ около этого нѣмого свидѣтеля шести минувшихъ вѣковъ и нашептываетъ свои таинственныя были любознательному путешественнику, приближающемуся къ нему съ невольнымъ почтеніемъ. Кто жилъ въ княжескихъ палатахъ вскорѣ по смерти царевича Димитрія, неизвѣстно, но разсказываютъ, что вскорѣ затѣмъ тамъ былъ водворенъ Борисомъ Годуновымъ шведскій принцъ Густавъ, за котораго Годуновъ хотѣлъ выдать свою злополучную дочь Ксенію, но который отказался отъ этого предложенія, оставаясь вѣренъ своей возлюбленной. Будучи образованнымъ человѣкомъ и томясь въ ссылкѣ, Густавъ занимался во дворцѣ химіей, за что и прослылъ среди темныхъ, невѣжественныхъ угличанъ чернокнижникомъ и чародѣемъ, знающимся съ нечистою силою. Можно представить себѣ ту гнетущую скуку и давящее полное одиночество, которыя испытывалъ принцъ въ древнемъ Угличѣ!

Послѣ страшнаго пожара во время смуты, палата значительно потерпѣла и чрезъ 100 лѣтъ послѣ того стояла безъ кровли (какъ и по описи 1620 г.) и «безъ внутренняго и безъ внѣшняго окрестъ ея устроенія», что побудило угличанъ, имѣвшихъ о ней издавна «раченіе и попеченіе», собрать на поправку деньги. Черезъ 70 лѣтъ послѣ того о палатѣ цар. Димитрія сообщалось, что ея стѣны «къ паденію неподвижны, но только мѣстами имѣютъ разсѣдины», деревянная

кровля огнила, своды кое-гдѣ провалились, а крыльцо совсѣмъ разсыпалось. Драгоцѣнный памятникъ разрушался и судьба его мало кого заботила; но въ 1785 г. ему грозила еще болѣе худшая участь, такъ какъ ярославскій намѣстникъ А. П. Мельгуновъ сдѣлалъ распоряженіе приспособить палату подъ винный погребъ. Только то обстоятельство, что изъ опасенія разрушенія палаты во время работъ и возможнаго при этомъ несчастія никто не взялся „приспосабливать“ ее для новаго назначенія, не смотря на „всекрайнѣйшее стараніе“ городничаго,—спасло этотъ рѣдчайшій образчикъ русскаго гражданскаго строительства. Но когда, казалось, дни его были уже сочтены, когда и общество, и правительство махнули на него рукой, нашелся еще одинъ уличанинъ, купецъ А. Кожевниковъ въ душѣ котораго больно отозвалось равнодушіе его сограждан къ своему прошлому, и въ 1802 году онъ возобновилъ дворецъ, на сколько смогъ и сумѣлъ, что и протянуло его существованіе почти на 90 лѣтъ до 1890 году. Въ этомъ году по просвѣщенному почину ярославскаго губернатора А. Я. Фриде было приступлено къ основательному возобновленію и возстановленію палаты цар. Димитрія подъ руководствомъ Н. В. Султанова, а въ 1892 г. 3 іюня въ ней открытъ былъ музей древностей, въ присутствіи великаго князя Сергія Александровича и его супруги. Такъ послѣ долгаго, долгаго забвенія и запустѣнія это рѣдкое зданіе получило, наконецъ, наиболѣе подходящее изъ возможныхъ назначеніе.

Близъ палаты цар. Димитрія находится Царевская Дмитровская, что на крови, церковь, построенная въ 1692 году и снаружи довольно удовлетворительно сохранившаяся до нашихъ дней. Изъ древнихъ предметовъ въ ней хранятся крестъ царя Алексѣя Михайловича, повѣшенный имъ на образъ царевича,

плащаница съ изображеніемъ царевича Димитрія, шитая шелками его матерью царицею Маріею Ѳеодоровной (изъ рода бояръ Нагихъ), Боголюбская икона Богоматери, упоминаемая подъ 1654 г., когда угличане молились предъ нею объ избавленіи отъ чумы, образъ царевича Димитрія, написанный въ 1631 г., икона съ ковчежцемъ съ кровью царевича и орѣхами, найденными въ его рукахъ при открытіи мощей; образъ Николая чудотворца, упоминаемый подъ 1674 г., икона Троицы,—даръ царя Михаила Ѳеодоровича и др., церковныя книги конца XVII в., ризы того же времени. Церковь Спасо-Предтечевская, сооруженная въ 1689—1700 гг. и хорошо сохранившаяся; она находится въ концѣ Спасской улицы, недалеко отъ Волги, въ ней хранятся нѣкоторые древніе предметы упраздненныхъ церквей, изъ коихъ особенно любопытенъ образъ, служащій сѣверною дверью, и лежатъ заложенные въ нишу мощи ребенка-мученика Іоанна убіеннаго—Чеполосова,—жертвы безумной безчеловѣчной мести его отцу Никифору Гр Чеполосову чѣмъ-то обиженнаго имъ его прислужника.

Церковь Обновленія храма Воскресенія Христова — бывшій Воскресенскій мужской монастырь, существовавшій до 1764 года, и извѣстный въ письменности почти за 400 лѣтъ до нашего времени. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ храмы бывшаго монастыря существуютъ съ 1677 года, сооруженные ростовскимъ митрополитомъ, знаменитымъ строителемъ всѣхъ выдающихся по своей архитектурѣ ярославскихъ церквей Іоною Сисоевичемъ, по преданію, постриженникомъ и инокомъ этого монастыря. Храмы Воскресенскаго прихода,—одинъ Воскресенія Христова и другой смоленской иконы Богоматери, помимо собственной архитектуры, оригинальны особенно тѣмъ, что соединены другъ съ другомъ звонницею, въ родѣ ростовской

соборной, образуя своеобразную группу зданій, представляющую общее законченное и стройное цѣлое. Какъ рѣдкій образецъ русскаго церковнаго зодчества, эти храмы включены въ роскошное изданіе академіи художествъ.—«Памятники древняго русскаго зодчества». Къ большому огорченію всѣхъ любителей и цѣнителей русскаго строительнаго искусства, этотъ любопытный памятникъ ярославской древности въ современномъ своемъ состояніи представляетъ грустную картину разрушенія, и не находится достойнаго гражданина, который помогъ бы своими средствами спасти для потомства и науки вѣками освященное мѣсто, «богомолье» его предковъ. Въ церкви Воскресенія сохраняется серебряный золоченый напрестольный крестъ съ надписью,—вкладъ Іоны Сисоевича, и серебряные же сосуды,—вкладъ вятскаго епископа Іоны же.

Успенская церковь Алексѣевскаго монастыря, воздвигнутая строителемъ Мисаиломъ въ XVII в., представляетъ также рѣдкій памятникъ древняго русскаго строительства, будучи увѣнчана не главами, а „шатрами“; къ сожалѣнію и этотъ храмъ не избѣжалъ общей участи ихъ, такъ какъ во многомъ искаженъ, а часть его даже занята кельями настоятеля.

О возстановленіи церквей Воскресенскаго и существующаго Алексѣевскаго монастырей хлопотала Ярославская Ученая Архивная Комиссія, но не достигла благопріятныхъ результатовъ, встрѣтивъ холодное отношеніе и общества, и мѣстнаго начальства.

Заканчивая очеркъ Углича, упомянемъ еще, что первый его гербъ (для печатей судебныхъ мѣстъ) былъ утвержденъ въ 1725 г. а составленъ полковникомъ графомъ Сантіо, собственно же городской гербъ введенъ съ 1728 г. и съ тѣхъ поръ не измѣнялся; онъ представляетъ образъ царевича Димитрія въ красномъ полѣ.

Изъ Углича происходитъ поэтъ И. З. Суриковъ и первый историкъ города Ф. Киссель (собственно—Кисель).

Между Угличемъ и Мышкинымъ и дальше по обѣ стороны Волги встрѣчается не мало древнихъ курганныхъ кладбищъ X—XI вв., какъ наприм. близъ деревень Плохино и Веретейка — въ пустоши Горѣли, у селъ Кривецъ и Поводнево, у г. Мышкина, близъ села Учмы и д. Кирьяново, при д. Шевердино и проч., а также по р. р. Юхоти и Улеймѣ.

МЫШКИНЪ.

Г. Мышкинъ былъ 309 лѣтъ тому назадъ деревнею Калинкинской волости, Устюгскаго стана, Угличскаго уѣзда, которая звалась Большая Мышкина, такъ какъ была еще другая деревня — въ 25 вер. отъ первой,—именовавшаяся Меньшая Мышкина. Обѣ принадлежали дворянамъ Нѣговскимъ, отказавшимъ ихъ въ 1585 г. московскому Симонову монастырю. Съ начала XVII в. Большая Мышкина стала селомъ и числилась за Чудовымъ монастыремъ, причемъ слово «Большое» откинулось, и село называлось просто Мышкино. Въ XIV в. Большое Мышкино, по преданію, принадлежало будто бы, московскому митрополиту св. Алексѣю, но, насколько это вѣрно, трудно сказать; однако, память св. Алексѣя въ Мышкинѣ и донынѣ очень чтятъ и во имя его тамъ воздвигнута церковь.

Объ основаніи Мышкина преданіе разсказываетъ слѣдующее. Владѣлецъ мѣстности современнаго Мышкина,—занятой въ то время лѣсомъ,—какой-то боярин охотился однажды тутъ и, утомившись, легъ отдохнуть и заснулъ на

низменной части волжскаго берега. Его разбудила мышь, бросившаяся ему на лицо. Вскочивъ на ноги испуганный бояринъ увидѣлъ около себя большую змѣю готовую его ужалить. Змѣю онъ, конечно, убилъ, а случай съ мышью отнесъ къ благости Божіей и потому распорядился срубить на мѣстѣ происшествія часовню во имя Бориса и Глѣба, память которыхъ чтилась въ день его спасенія (2 мая). При часовнѣ онъ поселилъ сторожа, убогая избенка котораго и была первымъ зданіемъ будущаго Мышкина. Такъ какъ часовня стояла на берегу судоходной рѣки, на большомъ сравнительно, и пустынномъ лѣсистомъ перегонѣ между Угличемъ и Мологою, то проходившія суда нерѣдко останавливались около нея для отдыха и ночлега. Извѣстіе о часовнѣ и о причинѣ ея постройки распространилось далеко вокругъ и къ ней шли не только богомольцы, но и поселенцы. Мѣстность стала заселяться и оживляться.

Во владѣніи Чудова монастыря Мышкино состояло около 200 лѣтъ, до 1764 года, и за это время значительно развилось и улучшилось,—его прежняя небольшая часовня была замѣнена деревянною церковью сосѣднія земли распаханы, лѣсъ повырубленъ, заведено правильное хозяйство подъ руководствомъ и надзоромъ монастырскихъ старцевъ. Въ 1762 г. Борисоглѣбская церковь сгорѣла и почему-то не была возобновлена, вслѣдствіе чего бывшее село стало называться просто слободкою, каковою, спустя два года, т. е. въ 1764 г. и перешло въ экономическое вѣдомство. Въ немъ Мышкинская слободка числилась до 1778 г., когда переименована была въ уѣздный городъ, каковымъ остается и донынѣ. Въ правленіе коллегіи экономіи въ слободкѣ былъ воздвигнутъ въ 1766 г. вмѣсто сгорѣвшаго новый каменный храмъ, но построенъ онъ былъ не на прежнемъ заливаемомъ вешнею во-

дою мѣстѣ, а на горѣ и во имя уже Николая чудотворца; Борису и Глѣбу въ немъ былъ посвященъ лишь придѣлъ. Старое церковище мало-по-малу забывалось и со временемъ перешло даже въ частное владѣніе, въ каковомъ состоитъ и до сего дня. Только въ 1905 г. одинъ изъ мышкинскихъ мѣщанъ вспомнилъ о немъ и, съ разрѣшенія владѣльцевъ, соорудилъ на мѣстѣ древней часовни небольшую каменную часовенку же, по прежнему во имя Бориса и Глѣба.

Слободка Мышкино, превращаясь въ городъ, заключала въ себѣ всего около 100 съ небольшимъ дворовъ и около 800 чел. жителей. Переименованіе слободки въ городъ мало ее измѣнило,— появилось нѣсколько казенныхъ зданій и чиновниковъ, положенныхъ по штату городового положенія, жители же по прежнему занимались хлѣбопашествомъ, судостроеньемъ и лоцманствомъ; училищъ не было, грамотность была развита очень слабо, жилось просто и сѣро. Новую струю въ мѣстное общество внесли лишь офицеры одного изъ баталіоновъ, вернувшихся съ войны и расквартированныхъ въ 1816 г. въ Мышкинскомъ уѣздѣ, причемъ штабъ баталіона находился въ городѣ. Завелись знакомства, стали устраиваться вечера и танцы, прогулки за городъ, появились карты, книги и отвлеченные интересы, горизонты расширились, впрочемъ, незначительно и почти исключительно среди молодежи. Старики жили по прежнему и еще въ 40 г.г. XIX ст. нѣкоторые изъ городскихъ головъ служили лоцманами на баржахъ. Ко времени прихода баржи въ Мышкинъ думскій сторожъ выходилъ на берегъ и, если не было бумагъ къ подписи, кричалъ на баржу головѣ: „Ничего нѣтъ! Идите съ Богомъ дальше“. Въ противномъ же случаѣ переправлялся на лодкѣ на баржу, гдѣ голова и совершалъ

свои гражданскія обязанности, стоя у руля. Какъ мало развита была въ Мышкинѣ грамотность, можно судить по тому, что даже грамотныхъ почталіоновъ не изъ кого было набрать, вслѣдствіе чего письма имъ подбирали по порядку расположенія домовъ адресатовъ и отправляли лишь по извѣстному направленію. Какъ бы во вниманіе къ темнотѣ и неразвитости мышкинскихъ жителей 60-хъ годовъ XIX ст. въ городѣ устроили очень хорошую библіотеку, пожертвованную земству мѣстнымъ помѣщикомъ Ф. К. Опочининымъ. Эта библіотека нынѣ составляетъ гордость и достопримѣчательность Мышкина и, дѣйствительно, она — одна изъ лучшихъ ярославскихъ уѣздныхъ библіотекъ и заключаетъ въ себѣ немало рѣдкихъ книгъ.

Изъ историческихъ событій для Мышкина можно указать лишь одно: здѣсь въ 1609 г. состоялось свиданіе московскихъ дьяковъ съ Делагарди — начальникомъ шведскаго вспомогательнаго войска, нанятаго Василіемъ Шуйскимъ. Делагарди шелъ на помощь къ занятымъ или еще только осажденнымъ поляками поволжскимъ городамъ — Романову, Ярославлю, Мологѣ, Пошехонью — и здѣсь получилъ отъ дьяковъ условленную плату.

Изъ Мышкинскаго уѣзда происходитъ извѣстный русскій скульпторъ Опекушинъ.

За Мышкинымъ опять попадаются по берегамъ Волги курганы X—XI в. какъ-то: у д. Охотино (почти противъ Мышкина), между д.д. Юрьевецъ и Рѣпище, при д.д. Верхнее и Нижнее Устье, Большіе Высоки и проч.; а верстъ за 5 до желѣзнодорожнаго моста, на самомъ берегу (правомъ), расположено село Городокъ — памятникъ здѣшней славянской древности, впрочемъ, не сохранившей, кромѣ названія, слѣдовъ своего былого значенія.

МОЛОГА.

О г. *Мологѣ*,—какъ думаетъ большинство изслѣдователей, письменность упоминаетъ впервые подъ 1148—1149 г. по случаю опустошительнаго набѣга великаго князя кіевскаго Изяслава въ союзѣ съ Ростиславомъ смоленскимъ и новгородцами на Ростовско-Суздальскую область, о чемъ уже говорилось. Однако, въ этомъ извѣстіи говорится собственно не о городѣ, а лишь объ устьѣ Мологи т. е. о рѣкѣ, какъ предѣлѣ, до котораго распространилось раззореніе края. Ничего неизвѣстно о г. Мологѣ и изъ разсказовъ о ситской битвѣ, и лишь подъ 1321 г. въ письменности указывается, что второй сынъ ярославскаго князя Давида Ѳеодоровича—Михаилъ (внукъ Ѳедора Ростиславовича Чернаго) получилъ отъ отца въ удѣлъ Мологу, на которой, по всей вѣроятности, и построилъ впервые городъ для своего мѣстопребыванія принеся съ собою туда отцовское благословеніе, Тихвинскую икону Богоматери, нынѣ считаемую чудотворною и хранящуюся въ мологскомъ Афанасьевскомъ монастырѣ. Новый городъ, черезъ 50 лѣтъ по возникновеніи, былъ взятъ въ 1371 г. тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, а при Василіи Темномъ (XV в.) весь Мологскій уѣздъ отошелъ къ Москвѣ.

Какъ возникшій довольно поздно и рано потерявшій значеніе столицы самостоятельнаго княжества, г. Молога никогда не достигалъ большого значенія, не смотря на свое выгодное мѣстоположеніе, оставаясь очень долго деревяннымъ. Поэтому въ немъ не сохранилось никакихъ памятниковъ древности и съ нихъ не связано какихъ либо историческихъ событій, имѣющихъ общій интересъ.

Не то представляетъ Мологскій край. Небольшая, т. е. неширокая и неглубо-

кая рѣка Сить, большей частью своего теченія принадлежащая Мологскому уѣзду, — историческая рѣка. Ея имя найдется не только на страницахъ всякаго учебника по русской исторіи, но и въ очень, очень многихъ книжкахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. И это понятно: на ея берегахъ совершился разгромъ Русскаго государства татарами, здѣсь покорена Русь и положена грань между древнею и среднею исторіями русскаго народа. То, что было до ситской битвы,—это одно; то что стало послѣ нея,—совсѣмъ другое. Не произойди этой битвы, возможно, что не было бы московскаго государства, ибо его создало не скопидомство Калиты, котораго не любили, а многіе даже и ненавидѣли, а призывъ Димитрія Донского встать за Русскую землю, чтобъ— или сложить свою голову, или свернуть голову поработителя и возвратить свободу. Ситскою битвою закончилось прошлое, куликовскою битвою (1380 г. 8 сент.) началось новое.

Къ сожалѣнію, ситское побоище мало обслѣдовано и до сихъ поръ еще не установлено даже самаго его мѣста. Въ первое время послѣ него память о немъ была слишкомъ ярка, а послѣдствія слишкомъ тяжки, чтобъ пришло въ голову кому-нибудь записать подробности этого страшнаго дѣла. А позже интересы перемѣстились въ другую сторону. Сить затмила собою Неприядва, Владиміръ—Москва, и воспоминанія о погромѣ стали тускнуть, путаться и забываться даже и у мѣстнаго населенія. Правда, глухіе отголоски этого тяжелаго прошлаго неясно звучатъ еще на берегахъ Сити, но въ нихъ нѣтъ возможности разобраться, тѣмъ болѣе, что и сдѣлано для этого, какъ оно ни странно, чрезвычайно мало. Кромѣ М. Погодина, заглянувшаго на верховья Сити, здѣсь не былъ ни одинъ изъ крупныхъ русскихъ историковъ, да ма-

ло кто бывалъ и изъ мѣстныхъ изслѣдователей, вѣчно занятыхъ службою и страдающихъ безденежьемъ. А между тѣмъ такое отношеніе просто грѣшно, особенно, если вспомнить, что 4 марта 1908 года кануло въ вѣчность 670 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ воевода передового отряда, стоявшаго видимо, около д. Боженки, Кашинскаго уѣзда, Дорошъ (Дорофей Семеновъ) принесъ великому князю владимірскому Георгію (Юрію) Всеволодовичу страшную вѣсть: „Князь, мы обойдены татарами!!“

Источники сообщаютъ, что татары ворвались въ станъ Георгія «на плечахъ Дороша». Что началось послѣ этого,—трудно себѣ и представить. Мѣстное преданіе указываетъ, что обходный путь татаръ шелъ изъ Пошехонскаго уѣзда чрезъ с. Ягорбу (на Шекснѣ), Яну, Старое Холопье на Мологѣ (Борисоглѣбскъ) къ с. Покровскому на Сити, гдѣ стоялъ княжескій военный обозъ. Тутъ столько погибло народа, что Сить и рѣчка Гориновка запрудились трупами и остановились въ своемъ теченіи. По тому же преданію церкви с. Игнатова (нынѣ деревня) и Краснаго были построены на «костяхъ» убитыхъ, т. е., вѣроятно, на братскихъ могилахъ. По извѣстіямъ лѣтописей, русскіе, застигнутые врасплохъ на верхней Сити, побѣжали къ сѣверу, т. е. внизъ по Сити, къ обозу, но тамъ ихъ встрѣтили бѣжавшіе вверхъ по этой рѣкѣ русскіе, охранявшіе обозъ и гнавшіе ихъ татары обходнаго отряда. Стиснутые и сдавленные другъ другомъ и татарами, русскіе, видимо, бросились въ стороны, разбившись на мелкіе отряды, разъединивъ этимъ татарскія полчища, кинувшіяся ихъ преслѣдовать. Только тимъ и можно объяснить, что не всѣ усскіе полегли на Сити и что даже зъ князей спаслось 15 человѣкъ. Но еликій князь Георгій и его племянникъ ярославскій князь Всево-

лодъ Константиновичъ сложили головы на побоищѣ, причемъ тѣло Всеволода осталось не разысканнымъ, а ростовскій князь Василько, братъ Всеволода, былъ взятъ татарами въ плѣнъ. Измученный и голодный доблестный воинъ и любимецъ народа отказывался брать пищу изъ «поганыхъ» рукъ невѣрныхъ и, убѣждаемый татарами перемѣнить вѣру и вступить въ службу Батыя, воскликнулъ съ горькимъ презрѣніемъ: «Темное царство, тебѣ ли разлучить меня со Христомъ моимъ!?.» Онъ былъ убитъ татарами въ Ширенскомъ лѣсу, какъ думаютъ, близъ с. Ширенья, что находится почти на границѣ Ярославскаго и Угличскаго уѣздовъ, гдѣ и донынѣ есть еще пустошь Васили.

Болѣе отрадныя извѣстія доносятся къ намъ съ Мологи въ XIV в. Эти извѣстія повѣствуютъ, что нѣсколько выше устья Сити, на р. Мологѣ, у Холопьяго городка еще издавна существовала большая ярмарка, на которую сбирались жители не только изъ окрестныхъ земель, но и изъ далекихъ странъ. Ярмарка эта была исключительно мѣновая, денегъ на ней совсѣмъ почти не брали, что объясняется отчасти тѣмъ, что сюда съѣзжались весьма разноплеменные торговцы — отъ арабовъ и бухарцевъ до нѣмцевъ, а также и тѣмъ, что главными продавцами на ярмаркѣ были полудикіе финскіе инородцы, сбывавшіе тутъ свою цѣнную пушнину и еще не знавшіе монетъ. Имъ требовались не деньги, не имѣвшія значенія въ ихъ странахъ, а издѣлія и предметы первой необходимости, оружіе, инструменты и опьяняющіе напитки. Съѣздъ на ярмарку былъ такъ великъ, что пошлинъ съ нея князю поступало до 180 пуд. серебра, т. е. по нынѣшней цѣнѣ, на 103,680 р. Не извѣстно, что побудило московскаго князя Ивана III перевести Холопью ярмарку къ устью Мологи на Боронишинскій лугъ, но

онъ не только перевелъ ее туда, но и запретилъ торгъ на старомъ мѣстѣ.

Перемѣстившись къ устью рѣки, ярмарка всетаки удержала свое прежнее названіе Холопьей, каковое прозвище перенеслось и на основавшійся по сосѣдству съ нею мужской Афанасьевскій монастырь, съ добавленіемъ «что на песку» (Холопій, что на песку). На новомъ мѣстѣ ярмарка не упала, какъ часто бываетъ, а процвѣтала по прежнему; однихъ судовъ, въ то время очень небольшихъ, скоплялось столько, что они перегораживали рѣку, и по нимъ, какъ по мосту, переходили съ одного берега на другой.

Но лихолѣтье, расшатавшее всѣ устои русской жизни, отразилось и на Холопьей ярмаркѣ. Когда люди не знали, доживутъ ли они до вечера, торговля и нажива, конечно, не могли идти на умъ. Нѣсколько лѣтъ ярмарка совсѣмъ не собиралась, торговля замерла, иностранные купцы находили иные пути и мѣста для сбыта своихъ и пріобрѣтенія чужихъ товаровъ; а когда смута поулеглась, и гражданская жизнь начала воскресать, Холопья ярмарка, хотя тоже понемногу возобновилась, но была уже блѣднымъ намекомъ на прежнюю. Правда, инородцы, которые по свидѣтельству Герберштейна, еще въ началѣ XVI в. сохраняли свой языкъ и бытъ даже въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской губерніи, между р.р. Мологою и Шексною, стали по старому съѣзжаться къ «Холопьему монастырю на пескѣ» съ своими цѣнными мѣхами, но главныхъ покупателей ихъ—западныхъ и, особенно, восточныхъ купцовъ—уже не появлялось здѣсь, цѣны падали, дѣла шли все хуже и хуже, и ярмарка захудала. А тутъ еще въ 1654 г. разразилась чума и окончательно ее добила. Торгъ перешелъ частью къ Веси-Іегонской (Весьегонску), частью въ Ростовъ, но, главнымъ образомъ, далеко на во-

стокъ—къ пограничнымъ землямъ, оставшимся и въ смутное время болѣе или менѣе спокойными,—сперва на Арское поле Казани, затѣмъ, по мѣрѣ затиханія смуты,—въ Васильсурскъ, въ Макарьево—на Желтыя воды и, наконецъ, на окскую пойму Нижняго-Новгорода.

Что касается самаго Холопьяго городка, около котораго первоначально возникла и развилась мологская ярмарка, то никакихъ положительныхъ свѣдѣній о немъ не имѣется, кромѣ рѣдкихъ и то довольно позднихъ попутныхъ упоминаній въ письменности его имени. Та же письменность нашихъ средневѣковыхъ книжниковъ пріурочила къ нему легенду, извѣстную еще Геродоту, объ измѣнѣ женъ мужьямъ, ушедшимъ въ далекій и долго длившійся походъ, причемъ мужей замѣнили ихъ холопы. Вернувшіеся мужья изгнали холоповъ кнутами, и тѣ, спасаясь отъ нихъ, убѣжали на Мологу, гдѣ и соорудили Холопій городокъ Этотъ разсказъ представляетъ собою не что иное, какъ одну изъ попытокъ несвѣдущихъ людей объяснить прошлое урочища толкованіемъ посвоему его имени или при помощи собственныхъ наивныхъ домысловъ, или же, наконецъ, примѣненіемъ къ данному случаю вычитаннаго или слышаннаго. Такихъ попытокъ въ средневѣковой письменности и въ народной молвѣ очень много, но всѣ онѣ не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ и приведенная выше, подмѣнившая скифовъ новгородцами,

Въ настоящее время Холопій городокъ ичи Старое, Холопье представляющій собою несомнѣнный памятникъ славянскаго заселенія края, находится во владѣніи графа Мусина Пушкина и, хотя не разъ посѣщался учеными, но до сихъ поръ не обслѣдованъ хотя сколько-нибудь удовлетворительно. Одни находятъ тамъ подножія башенъ и

остатки валовъ, другіе же затрудняются даже приблизительно опредѣлить очертанія бывшаго укрѣпленія. На планъ городокъ не снятъ, правильныхъ раскопокъ въ немъ не производилось, но извѣстно нѣсколько находокъ на его площади арабскихъ и римскихъ монетъ, даже, будто бы, золотыхъ.

Изъ Мологскаго уѣзда произошло нѣсколько извѣстныхъ людей: — графъ Алексѣй Ив. Мусинъ-Пушкинъ—владѣлецъ с. Иловны, (проданнаго въ 1908 г. крестьянскому поземельному банку), которому Россія обязана открытіемъ «Слова о полку Игоревѣ», — черниговскаго князя Игоря Святославича (1198—1202 гг.) внука Святослава Олеговича,—древнѣйшаго списка Лаврентьевской лѣтописи, а также богатымъ собраніемъ вообще рукописей и книгъ. Ему же принадлежитъ и едвали не первое изслѣдованіе о Старомъ-Холопьѣ, вышедшее въ 1810 г. подъ заглавіемъ: „Историческое замѣчаніе о началѣ и мѣстоположеніи древняго россійскаго т. наз. Холопья городка“.

Агриппина Михайловна Мусина-Пушкина, жена знаменитаго артиста Дмитревскаго, товарища и друга Ѳ. Г. Волкова,—была одною изъ первыхъ русскихъ актрисъ, поступившею на сцену въ 1756 г.

Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ—академикъ, живописецъ—археологъ, сынъ крѣпостного крестьянина села Верхне-Никульскаго, Марьинской волости. Семья Солнцевыхъ — крѣпостныхъ крестьянъ, представляетъ собою, будто бы, несомнѣнную отрасль князей Солнцевыхъ, потомковъ по прямой линіи Рюрика, какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ утратившихъ и княжеское достоинство, и свободу.

Кромѣ перечисленныхъ найдется и еще нѣсколько достойныхъ именъ.

РЫБИНСКЪ.

Городъ *Рыбинскъ* впервые упоминается подъ 1504 г. въ завѣщаніи Ивана III. „А даю ему... Инопажъ и съ сельцомъ, и съ ѣзомъ (язомъ),—что на Волгѣ подъ Рыбною слободою". Грозный въ 1533 г. на пути въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь ѣхалъ, «на устье Шексны на Рыбную». Съ 1645 г. Рыбная слобода возведена въ „дворцовую великаго государя ловецкую слободу" и платила окладъ изъ 30 осетровъ съ третью, 20 бѣлорыбицъ 30 стерлядей большихъ, 25 среднихъ и 50 малыхъ, шедшихъ на царскій обиходъ.

Около этого времени (1674 г.) въ „Рыбной" было двѣ каменныхъ церкви,—одна на мѣстѣ упразднившагося Казанскаго монастыря,—двѣ торговыхъ площади, на одной изъ которыхъ происходили однодневныя ярмарки (Петропавловская—29 іюня и Преображенская—6 августа, 88 дворовъ, изъ нихъ 46 рыбачьихъ, и около 350 человѣкъ жителей.

Противъ устья р. Шексны прежде былъ островъ, нынѣ смытый. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ далъ рыбинцамъ льготную грамоту (въ 1679 г.) на ловлю красной рыбы въ Волгѣ на 80 вер. вверхъ отъ устья Мологи и на 24 версты внизъ до р Слуды, а также по Мологѣ вверхъ на 80 верстъ и по Шекснѣ на 40 верстъ отъ устьевъ, съ запретомъ ловли рыбы въ указанныхъ мѣстахъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ рыбинцевъ. Однако, отведенныя мѣста не давались въ собственность слободѣ, ибо названы въ грамотѣ «государевыми рыбными ловлями» т. е. взяты были «на государя». Съ основаніемъ Петербурга и съ устройствомъ затѣмъ Вышневолоцкаго (1711 г.) и Ладожскаго каналовъ, Рыбная постепенно дѣлается пристанью (вмѣсто посада Мологи), къ которой въ 1780 г. пришло 1328 судовъ разныхъ названій, прибыло и отправлено въ

Петербургъ до 10.000.000 пудовъ товаровъ.

Управляемая ранѣе выборными бурмистрами (бургомистрами) и старостами, Рыбная слобода въ 1723 г. получила на смѣну имъ ратушу, а въ 1777 г. 31 декабря въ ней открыты были новыя присутственныя мѣста (по учрежденію о губерніяхъ), и сама она переименована въ уѣздный городъ Рыбинскъ. Въ новомъ городѣ постоянныхъ жителей числилось 638 чел. и «немало каменнаго строенія», какъ доносилъ императрицѣ Екатеринѣ II первый ярославскій губернаторъ А. П. Мельгуновъ.

Древняго въ Рыбинскѣ ничего не сохранилось, кромѣ упомянутой грамоты царя Ѳеодора (въ думѣ), а изъ старины — деревянное рѣзное вызолоченное кресло, поднесенное рыбинцами въ даръ императрицѣ Екатеринѣ II при посѣщеніи ею Рыбинска во время путешествія по Волгѣ въ 1767 г. Это кресло хранится нынѣ въ Преображенскомъ соборѣ у праваго средняго столба подъ золоченымъ балдахиномъ, устроеннымъ въ 1877 г. городскою думою.

РОМАНОВЪ.

Романовъ построенъ ярославскимъ княземъ Романомъ Васильевичемъ, получившимъ послѣ смерти отца (въ 1345 г.) въ удѣлъ земли къ с.-з. отъ Ярославля, по лѣвому берегу Волги. По имени строителя города послѣдній и прозвался Романовъ городъ. Въ с. Вахиѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, около котораго находятся остатки обширнаго городища, называемаго Романовымъ-Борисоглѣбскомъ, держится преданіе, будто бы жители стариннаго города Романова-Борисоглѣбска, упоминаемаго подъ 1180 г., стѣсненные разбойниками, переселились на р. Волгу, въ Ярославскую губернію и тамъ основали новый городъ, назвавъ его старымъ име-

немъ—Романовъ-Борисоглѣбскъ. Совершенно такое же преданіе записано Д. И. Иловайскимъ. (Стр. 64 «Исторіи Ряз. княжества»). Это преданіе—образчикъ наивнаго домысла и не имѣетъ историческаго значенія. По смерти основателя романовскій княжескій удѣлъ сталъ дробиться въ свою очередь на удѣлы между его наслѣдниками, образуя все меньшія и меньшія княжества, которыя переходили постепенно путемъ купли къ женѣ московскаго великаго князя Василія Темнаго, къ Маріи Ярославнѣ. Въ духовной грамотѣ Темнаго (1462 г.) между прочимъ значится: «А что ея (жены) купля—городокъ Романовъ—княжо Михайлово дѣва и княжихъ Львовыхъ дѣтей и княже Давидова Засѣкина и усть Шокстны,—что себѣ купили у князя у Семена и у князя у Василья у Шохонскихъ (Шекснинскихъ)—ино то ея и есть». (Собр. госуд. грам. и дог. 1813 г. т. I № 86). Марія Ярославна обнесла (въ 1468 г.) Романовъ деревянной стѣной, „срубиша на Волгѣ городокъ Романовъ“, валъ котораго сохранился до сего дня. Судя по протяженію этого вала—всего въ 375 саж., Романовъ былъ именно городокъ, т. е. однимъ изъ такихъ укрѣпленій, которыя подъ прозвищемъ „городокъ“ разсѣяны въ немаломъ количествѣ по губерніи и происхожденіе которыхъ таково же, какъ и Романова. Ихъ (большинство) строили мелкіе удѣльные князья, выдѣленные родителями или братьями изъ ихъ удѣла который въ свою очередь былъ тоже частью удѣла. Эти подъ-подъ-удѣльные князья, образовавшіе уже многочисленное высшее сословіе страны, въ своихъ крошечныхъ княжествахъ—отчинахъ жили небогато, нуждаясь, и потому довольно охотно продавали свои удѣлы болѣе мощнымъ князьямъ (позже и боярамъ), а сами шли къ нимъ на службу.

Построенныя ими «столицы»—город-

ки, напоминающіе по ихъ значенію западные средневѣковые замки феодаловъ, какъ быстро возникали, такъ же быстро и упразднялись, почему за большинствомъ изъ нихъ не успѣвало даже закрѣпиться никакого особаго прозвища отъ окрестныхъ жителей, подданныхъ ихъ князя, т. е. ни по имени владѣльцевъ городковъ (какъ случилось съ Романовымъ или съ Діевыми городищами), ни по какимъ-либо инымъ поводамъ, и они до сихъ поръ слывутъ подъ названіемъ городковъ, т. е. особаго вида поселеній, отличнаго отъ другихъ ихъ видовъ,—деревни, села, слободы и т. п.

Княгиня Марія отказала въ 1472 г. Романовъ и Шекснинское устье третьему своему сыну, угличскому князю Андрею Горяю, брату Ивана III; съ этого только времени эти области и нужно считать угличскими, а не со времени угличскаго князя Романа Владиміровича, какъ говоритъ его житіе, такъ какъ въ XIII в. г. Романова еще не было. Послѣ смерти Горяя въ 1493 г. Романовъ съ его удѣломъ перешелъ къ Ивану III и изъ княжества сталъ простой волостью и отчиною московскаго великаго князя. Грозный отдалъ Романовъ на прокормъ четыремъ татарскимъ мурзамъ, перешедшимъ съ приведенными ими въ числѣ «700 луковъ» нагаями въ его подданство и службу. Въ своей духовной (около 1572 г.) Грозный завѣщалъ своему сыну Ивану: „а держи его, сынъ мой, за нагайскими мурзами, а отъѣдутъ или изведутся,—ино г. Романовъ сыну моему“. Но мурзы не изводились, а богатѣли, плодились и множились, кормились за счетъ русскаго населенія и чинили ему немало всякихъ обидъ и утѣсненій, въ смутное же время приставали къ польскимъ и казачьимъ шайкамъ и грабили пріютившій ихъ народъ. Не смотря на это, романовцы еще въ 1614 г. выплачивали мурзамъ 33 руб. въ годъ, а затѣмъ по 300 руб. Отъ ро-

мановскихъ мурзъ произошло нѣсколько русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, существующихъ донынѣ, какъ-то князья Юсуповы, Урусовы и др. Всѣ они владѣли болѣе или менѣе значительными землями. Ограничивать романовскихъ татаръ началъ царь Алексѣй Михайловичъ; императоръ же Петръ урѣзалъ ихъ вольности (некрещеныхъ) еще больше, что вызвало значительное выселеніе татаръ изъ Романовскаго уѣзда, около 1648 г., въ другія мѣста. Наконецъ, указомъ Елизаветы Петровны отъ 1760 г. (13 дек.) всѣ некрестившіеся къ тому времени татары выселены были въ Кострому, гдѣ живутъ ихъ потомки и сейчасъ въ Татарской слободѣ.

Борисоглѣбская сторона г. Романова, прежняя Борисоглѣбская Рыбачья ловецкая слобода, извѣстна съ XVI в. когда ей дана была жалованная грамота царемъ Васильемъ Ивановичемъ о правахъ и обязанностяхъ ея жителей. Въ 1631 г. въ этой слободѣ числилось 178 дворовъ, т. е. около 550 чел. населенія; въ 1761 г. она значилась въ Ярославскомъ уѣздѣ. При образованіи губерній въ 1777 году Борисоглѣбская слобода возведена была въ городъ, къ которому былъ приписанъ особый уѣздъ, и только въ 1822 г. оба города слиты въ одинъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, извѣстный въ обыденной жизни подъ именемъ просто Романова.

Въ Романовѣ - Борисоглѣбскѣ, какъ городѣ старомъ, сохранилось нѣсколько любопытныхъ памятниковъ древности, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ борисоглѣбскій Воскресенскій соборъ. Этотъ соборъ, построенный, или, точнѣе, перестроенный въ нынѣшнемъ его видѣ въ 1652 г., признается лучшимъ образцомъ и верхомъ развитія ярославскаго пошиба русскаго церковнаго зодчества и сохранился, въ общемъ, очень хорошо. Наиболѣе извѣстною достопримѣчательностію Во-

скресенскаго собора является едва-ли не единственный по величинѣ (4 арш. 6 в. × 2 ар. 12 вершк.) образъ Нерукотвореннаго Спаса, необыкновенно чтимый не только православными, но и старовѣрами. Не смотря на это, исторія образа не ясна,—по однимъ извѣстіямъ онъ принесенъ неизвѣстно по какому случаю и при какихъ обстоятельствахъ изъ Ростова въ 1793 г., по другимъ,—образъ приплылъ по Волгѣ, наконецъ, третьи увѣряютъ что онъ былъ въ «шатрѣ», (главѣ) служа потолкомъ деревяннаго храма, бывшаго ранѣе на мѣстѣ собора. Кромѣ образа Спасителя, интересны еще нѣкоторые колокола собора, изъ коихъ одинъ иностранной, вѣроятно, голландской работы 1537 г.; другой отлитъ въ Ярославлѣ въ 1614 г. и представляетъ образчикъ болѣе ранняго русскаго, и въ частности ярославскаго колокольнаго дѣла; третій и четвертый отлиты въ 1657 г., во время митрополіи извѣстнаго ростовскаго святителя Іоны Сисоевича, писавшаго одному своему знакомому между прочимъ:

На своемъ дворишкѣ
Лью колоколишки.
Дивятся людишки...

Говорятъ что рыбинскій Преображенскій соборъ, бывшій до существующаго нынѣ, и построенный въ 1660 г., былъ точнымъ подобіемъ борисоглѣбскаго Воскресенскаго и сломанъ лишь въ 1838 г. Если бъ рыбинское именитое купечество могло понять, какой огромный проступокъ, какой великій грѣхъ оно совершило передъ родиною и потомствомъ, уничтожая одно изъ великолѣпныхъ звеньевъ, соединявшихъ славное прошлое съ настоящимъ, и тѣмъ содѣйствуя нашей безпочвенности и безразличности! Но эти люди не вѣдали, что творили.

Очень интересенъ въ историческо-художественномъ отношеніи и романовскій Воздвиженскій соборъ, построенный

въ 1658 г., но сохранившійся несравненно хуже Воскресенскаго и, что еще печальнѣе, неумѣло реставрированный около 10 лѣтъ тому назадъ безъ должнаго надзора, необходимыхъ знаній и неподходящими мастерами; изъ утвари и обстановки древняго въ немъ почти ничего не уцѣлѣло.

Въ Воскресенской церкви, построенной около 1743 года, сохраняется икона муч. Параскевы XVI в., рѣзное изображеніе Николая чуд. (можайскаго) и синодикъ (поминальникъ) XVIII в. съ 40 раскрашенными картинками.

Изъ остальныхъ церквей Благовѣщенская построена въ 1660 году, Спасская «обыденная» въ 1703 г., первоначальная же, собственно обыденная, въ 1655 г., въ благодарность за избавленіе отъ моровой язвы, унесшей въ могилу 603 человѣка, вслѣдствіе чего 81 дворъ опустѣлъ, и, наконецъ — Покровская — упраздненнаго около 1771 г. Ново-Покровскаго монастыря, въ которой хранится прологъ (книга) 1661 г. съ замѣчательною по силѣ, сжатости, содержанію и стилю, вкладною записью—скрѣпою, написанною по листамъ. Эта запись представляетъ собою высоко художественное для этого времени произведеніе, изложенное въ видѣ обращенія—молитвы къ Богоматери отъ имени какой-то «убогя Палагіи». Оно составлено, несомнѣнно, духовнымъ лицомъ, бывшимъ, очевидно, не только образованнымъ, но и тонкимъ знатокомъ церковной литературы.

Говоря объ архитектурныхъ памятникахъ Романова, нельзя обойти молчаніемъ каменный домъ, относящійся по своимъ формамъ и пріемамъ стройки къ концу XVII столѣтія, принадлежавшій прежде мѣщанамъ (по старому посадскимъ) Дергаловымъ а нынѣ—товариществу Романовской льнопрядильной мануфактуры и находящійся около этой

мануфактуры на Борисоглѣбской сторонѣ. *).

Романовъ въ былыя времена славился овощами, въ особенности, лукомъ, котлами, полушубками и овцами; послѣдніе, т. е. полушубки и овцы гремѣли на всю Россію, но теперь отъ всего этого осталось почти одно только воспоминаніе.

Въ Романовскомъ уѣздѣ разсѣяно нѣсколько курганныхъ кладбищъ (у с. Ротмирова, у сельца Константинова, у с. Новаго, Кузьминскаго и др.), а въ 1—2 верстахъ отъ Романова, у д. Холма было кладбище переходной поры (ново-камнико-бронзики), къ большому сожалѣнію почти уничтоженное песковозами.

ТОЛЖСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

На среднемъ теченіи рѣчки Толги, нынѣ почти совершенно высыхающей лѣтомъ, но лѣтъ еще 150 назадъ бывшей значительно полноводной, расположено большое село Толгоболъ-Песочное. Это село очень древнее и восходитъ началомъ, какъ свидѣтельствуетъ названіе, ко временамъ господства тутъ финновъ-мери. Въ далекомъ прошломъ, съ одной стороны, гдѣ-то около этого села находилось гнѣздо той варяжской шайки-дружины, властвовавшей въ округѣ, которая положила основаніе Михайловскому курганному кладбищу, расположенному всего въ двухъ верстахъ от-

*) Къ сожалѣнію, домъ этотъ, въ которомъ въ послѣднее время помѣщалась столярная мастерская, благодаря крайне непростительной небрежности его владѣльцевъ, недавно сгорѣлъ. Объ этомъ любителямъ старины приходится особенно пожалѣть, такъ какъ онъ представлялъ собою чрезвычайно любопытный и рѣдкій памятникъ старинной гражданской архитектуры, какихъ дошло до насъ весьма немного.

сюда; съ другой стороны, въ такомъ же разстояніи отъ села, почти на самомъ устьѣ Толги, находилась, какъ думаютъ, священная роща мери, мѣсто мольбищъ и жертвоприношеній. Когда въ странѣ начало водворяться христіанство, прививавшееся здѣсь очень тупо и медленно, то представители и проповѣдники его, среди которыхъ было не мало грековъ (византійцевъ) и лицъ, воспитанныхъ ими или усвоившихъ ихъ пріемы,—для того, чтобы подавить язычество въ корнѣ, основали на мѣстѣ разореннаго языческаго мольбища христіанскую обитель,—знаменитый въ губерніи *Толгскій монастырь*.

Время основанія и основатель этого монастыря точно неизвѣстны, обыкновенно же, хотя безъ достаточныхъ данныхъ, это основаніе относятъ къ 1314 г. и приписываютъ не существовавшему ростовскому епископу Трифону. Преданіе говоритъ, что поводомъ къ сооруженію монастыря послужило чудесное явленіе въ лѣсу (священной рощѣ мери) на одномъ изъ его кедровъ, указываемомъ до нынѣ, образа Богоматери, названнаго по мѣсту явленія (на р. Толгѣ) толгскимъ, и что событіе это сопровождалось необычайными обстоятельствами, (необыкновеннымъ свѣтомъ отъ свѣтозарнаго «столба», сіявшаго среди ночной темноты за Волгою надъ лѣсомъ, свѣтомъ, разбудившимъ Трифона, спавшаго на противоположномъ берегу, хожденіемъ послѣдняго черезъ рѣку, какъ по суху, по свѣтозарному же мосту и т. д.), сразу прославившими икону, считаемую чудотворною и пользующуюся до сихъ поръ исключительнымъ почитаніемъ ярославцевъ, признающихъ ее своею покровительницею.

О первоначальной исторіи монастыря ничего достовѣрно неизвѣстно; сохранилось лишь нѣсколько отрывочныхъ и краткихъ извѣстій, да именъ, мало о чемъ говорящихъ. До XVIII в. мона-

стырь управлялся архимандритами, но со смертью послѣдняго изъ нихъ—Даніила, въ 1724 г., опредѣлено быть тамъ игумену, которымъ поставленъ былъ ассессоръ синода Афанасій. Такое распоряженіе очень не понравилось ярославцамъ, большимъ поклонникамъ всякаго благолѣпія, торжественности и представительности, и въ 1726 г. «ярославскаго магистрата президентъ Ник. Мякушкинъ и бургомистры—Димит. Сырейщиковъ и Ив. Корсаковъ со всѣми гражданы»... писали, „что... шапки архимандричьи праздны“, и просили, „чтобы въ томъ монастырѣ вновь былъ архимандритъ съ шапкою“. Уважительной причиной къ удовлетворенію своей просьбы ярославцы выставляли то обстоятельство, что «по милости императорскаго величества Ярославль въ Россійской имперіи городъ не послѣдній и не малолюдный и, когда въ праздничные и высокоторжественные дни городъ остается безъ архимандричьяго служенья, то предъ другими городами въ той церемоніи имѣется ему неровность». Преосвященный Георгій, которому было подано это прошеніе, дѣлалъ по поводу его представленіе въ синодъ въ томъ же году, но синодъ не внялъ просьбѣ честолюбивыхъ ярославцевъ, и архимандричьи шапки такъ и остались праздны къ великому огорченію просителей.

Толгская обитель была всегда далеко не бѣдною и до Екатерины II владѣла обширными землями. Нынѣ этихъ земель у монастыря уже нѣтъ, но тѣмъ ѣн менѣе онъ владѣетъ нѣкоторыми городскими имуществами (подворьями) и считается однимъ изъ богатыхъ. Только изъ Ярославля за время съ апрѣля по іюль,—когда Толгская икона Богоматери «стоитъ» въ городѣ, вывозится монахами отъ 2000—3000 р. Между тѣмъ эта икона носится или какъ здѣсь говорятъ, «ходитъ» изъ мѣста въ мѣсто почти круглый годъ.

Изъ событій, пережитыхъ монастыремъ, болѣе крупныя суть: пожаръ его въ XV в., уничтожившій деревянную обитель «до тла», и раззореніе его въ 1609 г., когда панъ Лисовскій съ поляками, литовцами и „русскими зорами", разгромивъ монастырь, „образы и книги и казну пограбили" и убили монаховъ и монастырскихъ слугъ, погребенныхъ въ одной общей братской могилѣ, надъ которою, спустя болѣе 2½ вѣковъ, архіепископъ Іонафанъ построилъ часовню.

Послѣ погрома вѣра и усердіе народныя не только возстановили монастырь, но и создали его во много лучшемъ, чѣмъ прежде, видѣ. Нѣсколько его замѣчательныхъ памятниковъ русскаго церковнаго зодчества XVII ст. испорчены поправками и передѣлками бывшаго ярославскаго архіепископа Авраамія, жившаго тутъ на покоѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на трапезную церковь обители, ея главный храмъ и на колокольню, бывшую звонницу. Соборъ во имя Введенія въ храмъ Богородицы—двухъэтажный «на подклѣтѣ»—съ придѣломъ; строился въ 1681—1683 гг., расписанъ «стѣннымъ иконнымъ письмомъ» въ 1690 г., придѣлъ—тѣмъ же «иконостѣннымъ письмомъ» въ 1691 г., а сѣверная и средняя (алтарная) апсиды храма—фресками. Живопись возобновлена въ 1830—40 годахъ. Устройство сводовъ подъ главами этой церкви особое, подобное предложенному знаменитымъ Віоле-ле-Дюкомъ, открывшимъ русское зодчество. Однако, русскіе „каменные старосты" предупредили ученаго француза на 200 лѣтъ. Въ придѣлѣ собора уцѣлѣлъ древній иконостасъ, а самый придѣлъ помѣщается на южномъ концѣ паперти галлереи, оканчивающейся на сѣверномъ концѣ сходною лѣстницей—подробность рѣдко встрѣчающаяся въ нашихъ храмахъ; надъ алтаремъ находится т. наз. «тайникъ».

Къ ю. отъ собора стоитъ теплая Воздвиженская церковь, основанная въ первой четверти XVII ст. Надъ св. воротами ограды высится маленькая церковь в. имя Николая чудотворца, построенная въ 1670 г.

Колокольня (три нижніе яруса) построена въ 1688 г., но показалась низка и ее надстроили въ 1825 г. и при томъ совсѣмъ въ иномъ стилѣ. Во второмъ ярусѣ ея помѣщается монастырская ризница; изъ колоколовъ два XVII в., одинъ въ 100 пуд., отлитъ русскимъ мастеромъ Фед. Моторинымъ въ 1677 г. на деньги кн. Никит. Як. Львова, другой, такого же вѣса, литъ въ 1632 г.

Кромѣ зданій въ Толгской обители заслуживаютъ вниманія толгская икона Богоматери и нерукотворный образъ Христа греческаго письма. Икона считается явленной, а Спасовъ образъ представляетъ вкладъ Грознаго, бывшаго на Толгѣ въ 1553 г. по пути изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Москву. Разсказываютъ, что здѣсь онъ исцѣлился отъ боли въ ногахъ. Нужно также отмѣтить плащаницу, шитую въ 1497 г. по гарнитуру золотомъ, серебромъ и мелкими камнями и обложенную (вѣнцы и одежды) серебряной «кованью», и три евангелія московской печати 1637, 1644 и 1682 гг. Послѣднее изъ нихъ—даръ кн. Пет. Лук. Львова.

Въ теченіе ближайшихъ къ намъ десятилѣтій Толгскій монастырь сталъ служить мѣстомъ не столько молитвеннаго паломничества, сколько мѣстомъ лѣтняго отдыха и загородныхъ прогулокъ. Послѣднія совершаютъ ярославцы, а на дачу сюда пріѣзжаетъ еще и много жителей обѣихъ столицъ, что не особенно понятно, такъ какъ мѣстность мало пригодна для дачныхъ развлеченій и удовольствій и, кромѣ самаго монастыря совсѣмъ не живописна и не привлекательна. Да и жизнь въ мона-

стырской гостинницѣ далеко не дешева. Кромѣ того въ монастырь ѣздятъ многіе еще великимъ постомъ говѣть, считая это за особо богоугодное дѣло. Изъ того же побужденія нѣкоторые, на закатѣ дней своихъ, завѣщаютъ схоронить себя на монастырскомъ кладбищѣ, заключающемъ не мало могилъ лицъ когда-то извѣстныхъ, бывшихъ на виду. Такъ на немъ похоронены: епископъ Иринеи, Дм. И. Жироваго, кн. стольникъ Засѣкинъ, кн. окольничій Никит. Як. Львовъ—въ монахахъ Нилъ, кн. Ив Бор. Большой-Львовъ, кн. Фед. Ив. Троекуровъ съ женою,—потомки владѣтельныхъ князей; А. П. Мельгуновъ—первый ярославскій генералъ-губернаторъ, кн. И. Бор. Голицынъ, Ник. Ал. Тучковъ, кн. Урусовы и др.

Съ 8 августа, день явленія Толгской иконы, по 10-е ежегодно на лугу у монастыря бываетъ многолюдное гуляньe съ палатками и балаганами, разукрашенными флагами, съ переносными чадящими пышечными, съ лотками, ларьками и шеренгой самоваровъ, дымящихъ и кипящихъ съ утра до поздняго вечера. Кромѣ богомольцевъ и гуляющихъ въ эти дни сюда сходится, сводится вожатыми и свозится въ телѣжкахъ и другихъ таратайкахъ множество всевозможныхъ «каликъ перехожихъ»,—хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, болящихъ и убогихъ, размѣщающихся въ рядъ съ деревянными чашками для милостыни на колѣняхъ и безъ умолка распѣвающихъ или, по народному выраженію, „тянущихъ“ утомительно-однообразные пѣсни—причеты («стихи»)—знаменитаго „лазаря“. Это явленіе русской жизни, коренящееся въ ней съ глубокой древности, отмѣченное былинами и сказками (объ Ильѣ Муромцѣ и др.) и объясняющееся складомъ быта и характера славянскаго, доживаетъ уже свой вѣкъ, встрѣчаясь лишь по мѣстамъ, еще сохраняющимъ пережитки „древняго бла-

гочестія". Въ старые годы гулянья здѣсь, конечно, не было и ко дню явленія Толгской иконы народъ сходился и съѣзжался въ обитель исключительно для молитвы. На памяти стариковъ еще многіе считали необходимымъ канунъ праздника проводить въ строгомъ постѣ, оставаясь безъ пищи все время пути и ложась спать на-тощакъ. Только на другой день, отстоявъ обѣдни и молебенъ, они разрѣшали себѣ пищу, но и то очень умѣренную. Все паломничество совершалось съ чувствомъ глубокой набожности, въ настроеніи, напоминающемъ то, которое нынѣ наблюдается лишь великимъ постомъ. Люди дѣлали „божье дѣло" и, выходя на него, суету и мірское оставляли у порога жилища. Теперь не то. Мѣсто смиренія, молитвъ и покаянія превращается въ дни 8, 9 и 10 августа въ шумное и бойкое торжище, въ „цѣлую ярмарку". Большинство идетъ сюда, гл. обр., гулять или наживать копейку. Монахи на паперти продаютъ образки и книжки, кедровыя шишки («съ того кедра, на которомъ явилась икона»), обиваемыя къ этому дню, и цвѣтами изъ монастырскаго сада; торговцы торгуютъ пышками, пирогами, бѣлымъ хлѣбомъ, пряниками, яблоками и другими недорогими сластями и фруктами, а также игрушками и, наконецъ, „зеленымъ виномъ" (тайно). Водки усердные богомольцы несутъ не мало и съ собою, а потому гулянье посѣщается чистой публикой лишь на второй и на третій день, когда отхлынетъ простонародье. Праздникъ Толгской иконѣ и толгское гулянье приносятъ монастырю солидный доходъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ первый разъ, какъ существующій уже городъ, Ярославль упоминается подъ 1071 годомъ. Основаніе его преданіе приписываетъ великому князю Ярославу Владиміровичу Мудрому. Поводомъ къ основанію его послужило спасеніе князя отъ угрожавшей опасности при нападеніи бросившейся на него медвѣдицы. Убивъ медвѣдицу, князь, — говоритъ преданіе, — заложилъ на мѣстѣ своего спасенія, среди дремучаго лѣса, церковь во имя пр. Иліи, а при ней городъ.

Есть очень много вѣскихъ соображеній думать, что ядро Ярославля, его Рубленый городъ, представляетъ мѣсто, насиженное человѣкомъ съ глубочайшей древности. На мысѣ „Стрѣлка“ уютился человѣкъ каменнаго вѣка, такъ какъ этотъ мысъ съ своими отмелями былъ чрезвычайно для него удобенъ, а потому болѣе чѣмъ вѣроятно, что и до Ярослава на мѣстѣ нынѣшняго города существовало селеніе, именовавшееся, какъ говоритъ писаное сказаніе, «Медвѣжій Уголъ». Имѣется основаніе полагать, что обитатели селенья чтили медвѣдя, котораго и содержали при своемъ поселеніи въ оврагѣ, до нынѣ прозывающемся „Медвѣдица“. Жители Медвѣжьяго Угла были упорные „языцы зли .. мнози и грабленія, и кровопролитія вѣрнымъ твориша“. Ярославъ, ревностный продолжатель дѣла Владиміра, давно добирался до «языковъ злыхъ» и не опустилъ перваго случая, какъ только онъ представился. Узнавъ въ 1024 г., что въ Суздалѣ языческіе волхвы убиваютъ старухъ, яко бы „пущающихъ голодъ“, постигшій всю ту область, онъ явился туда и «изымавъ убійцы тыи... расточи». Та же почти участь постигла и жителей Медвѣжьяго Угла. Но здѣсь князь началъ съ запрещенія имъ разбойничать на

Волгѣ, а кончилъ тѣмъ, что срубилъ (т. е. поставилъ деревянныя, рубленыя въ уголъ стѣны на готовыхъ валахъ городища) на Стрѣлкѣ городъ, прозванный по строителю—владѣльцу Ярославлемъ, а въ немъ соорудилъ церковь во имя Ильи пророка, ибо «хищнаго и лютаго звѣря побѣди сѣирою въ день его» поясняетъ лѣтописное сказаніе.

Главными достопримѣчательностями и украшеніемъ Ярославля являются его древніе храмы, представляющіе собой въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно рѣдкіе, цѣнные и въ общемъ хорошо сохранившіеся памятники древнерусскаго зодчества. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Петропавловская церковь, Спасо-преображенскій соборъ въ Спасскомъ монастырѣ, Ильинская, Богоявленская, Архангельская, Николы Мокраго, Предтеченская и др.

Еще въ XII вѣкѣ около тогдашняго Ярославля существовалъ Петровскій монастырь, (упоминается подъ 1186 г.) пріютившійся на берегу р. Волги тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Петропавловская церковь. Онъ служилъ усыпальницей членовъ ярославскаго княжескаго рода.

Монастырь процвѣталъ до конца XIII вѣка, а существовалъ до XV вѣка, когда превратился въ приходскую ружную церковь. Древнѣйшая церковь Ярославля Спасо-Преображенскій соборъ—находится въ монастырѣ того же имени. Время основанія и имя основателя его неизвѣстны. Одни говорятъ, что основанъ онъ ростовскимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Мудрымъ въ 1216 г., другіе отвергаютъ это показаніе и думаютъ, что монастырь существовалъ значительно ранѣе, что онъ былъ построенъ на мѣстѣ языческаго капища и что Константинъ лишь обстроилъ его. Дѣйствительно, этотъ князь заложилъ въ немъ въ указанный годъ Преображенскій соборъ, достроенный его сыномъ Всеволодомъ лишь въ 1224 г.

Въ первоначальномъ видѣ храмъ существовалъ до начала XVI вѣка, когда (1501 г.) обгорѣлъ во время громаднаго пожара, опустошившаго городъ, и возобновленъ былъ лишь къ 1516 году. Нынѣ соборъ, кромѣ стѣнъ собственно храма, да нѣкоторыхъ образовъ не только первоначальнаго, но и вообще древняго сохранилъ мало, подвергаясь въ теченіе долгаго промежутка времени постояннымъ „украшеніямъ“, поправкамъ и передѣлкамъ. Другой храмъ монастыря—церковь входа Христа въ Іерусалимъ была на палаткахъ или подклѣтахъ. Въ этихъ подклѣтахъ 5 марта 1463 г. обрѣтены архимандритомъ монастыря Христофоромъ съ братіею мощи ярославскихъ чудотворцевъ. Въ началѣ XIII вѣка въ Спасскомъ монастырѣ открыто первое во всей сѣверной Россіи училище, которому его основатель, Константинъ Мудрый, отдалъ домъ, свою богатую библіотеку рукописныхъ книгъ и волости. Съ уходомъ руководившаго училищемъ Пахомія, игумена Петровскаго монастыря и духовника князя, на епископскую каѳедру въ Ростовъ, училище въ 1214 г. переведено туда же. Здѣсь же въ Спасскомъ монастырѣ хранился и рѣдкій памятникъ поэтическаго творчества XII вѣка знаменитое «Слово о полку Игоревѣ», сдѣлавшееся общеизвѣстнымъ лишь въ 1795 г., благодаря графу А. И. Мусину-Пушкину, создавшее цѣлую литературу и все таки еще неисчерпанное вполнѣ.

Въ Спасскомъ монастырѣ заслуживаетъ большого вниманія *ризница* и *библіотека*, помѣщающіяся въ особомъ зданіи, налѣво отъ Преображенскаго собора, и хранящія предметы и рукописи высокаго научнаго значенія. Къ большому сожалѣнію, и ризница, и библіотека доступны не только не для всѣхъ, какъ должно бы быть, но и вообще лишь съ великимъ трудомъ. Каждому желающему осмотрѣть ихъ, а тѣмъ болѣе зани-

маться въ нихъ, необходимо просить разрѣшеніе у архіерея, такъ какъ дней открытія этихъ хранилищъ для публики не назначено и безъ разрѣшенія архіерея въ нихъ никого не пускаютъ; послѣдній же нерѣдко уѣзжаетъ изъ города, особенно лѣтомъ. Къ тому же ризница не отапливается, постояннаго ея хранителя, который жилъ бы при ризницѣ и былъ бы всегда къ услугамъ нуждающихся въ нихъ, не имѣется и обыкновенно въ такихъ случаяхъ для надзора за занимающимся отряжается особое лицо, совершенно чуждое наукѣ, смотрящее на свою обязанность, какъ на тяжелую и скучнѣйшую повинность, охающее, вздыхающее и зѣвающее. По этому-то очень понятно, что охотниковъ заниматься въ ризницѣ и библіотекѣ находится немного. Не у каждаго хватаетъ мужества и стойкости вытерпѣть и перенести до конца всѣ стѣсненія, неудобства и нескрываемое неудовольствіе, полуотвѣты, намеки и прочія прелести, преподносимыя посѣтителю совершено незаинтересованными въ дѣлѣ людьми. Сверхъ же всего предметы размѣщены въ ризницѣ очень неудобно и многіе изъ нихъ нѣтъ возможности разсмотрѣть даже съ лѣстницы; комнаты для занятій при ризницѣ нѣтъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго цѣнныя рукописи лежатъ безполезно, оставаясь неизвѣстными для общества и, въ сущности, ненужными для монастыря, такъ какъ монахи ими если и интересуются, то только со стороны ихъ матеріальной цѣнности. Да къ тому же всѣ эти строгости, разсуждая трезво, ненужныя и недостигающія цѣли какъ всегда очень запоздали,—изъ ризницы многое выкрадено и растащено, многое утрачено и испорчено. Изъ нѣкоторыхъ рукописей наприм. вырѣзаны заставки и заглавныя буквы и т. п.

Стѣны и башни монастыря строены въ 1530 г., но въ неприкосновенности ихъ осталось и здѣсь немного.

Народъ называетъ святыми „водяныя“ ворота (ближе къ Ю.-З. стѣнѣ), про которыя сложилось преданіе, что послѣ несчастной битвы съ татарами на Туговой горѣ ярославскіе князья Василій и Константинъ, спасаясь бѣгствомъ, устремились къ этимъ воротамъ, распахнувшимся предъ ними сами собою. Но какъ только князья въѣхали въ монастырь, они тотчасъ же опять затворились и съ тѣхъ поръ болѣе не отворяются и отворить ихъ нѣтъ возможности. Про настоящія же святыя ворота другое преданіе, заставляющее жить князей въ Спасскомъ монастырѣ, а не во дворцѣ, въ одномъ изъ крыльевъ бывшей семинаріи, выходившемъ на южную стѣну монастыря, (въ немъ помѣщалась пѣвческая), повѣствуетъ, что изъ окна башни этихъ воротъ князья смотрѣли на Туговскую битву, горячо молясь Богу за своихъ воиновъ. И всякій разъ, когда они „воздѣвали руки къ небу“, верхъ брали русскіе и гнали татаръ, а когда, утомившись, опускали ихъ, то вновь одолѣвали татары.

Наконецъ, третье преданье разсказываетъ, что оба князя были убиты татарами на Туговой горѣ, но тѣмъ не менѣе вернулись въ городъ, неся подъ мышками свои срубленныя головы.

Въ 1609 году стѣны монастыря громили поляки подъ предводительствомъ Лисовскаго, но не могли взять и 23-го мая отступили.

Въ дневникѣ, приписываемомъ пану Будзилу, монастырь величается замкомъ и говорится, что занятое имъ мѣсто было сильно укрѣплено.

Въ 1613 году въ келіяхъ архимандрита (нынѣ архіерейскихъ) 26 дней прожилъ первый царь изъ рода Романовыхъ, встрѣтивъ въ нихъ и пасху, бывшую 4 апрѣля. А 17 августа 1681 года присталъ къ берегу Которостли, вѣроятно противъ церкви Михаила Архангела, стругъ съ умирающимъ Никономъ.

Противъ Спасскаго монастыря у моста черезъ р. Которостль высится стройное красивое зданіе церкви *Богоявленія*, прекрасный памятникъ XVII вѣка. Строена она съ 1683 по 1691 г. ярославцемъ гостинной сотни Алек. Абр. Зубчаниновымъ. Замѣчательна она формами, обильными поливными изразцами, украшающими фасады, стѣнописью, иконами и, частью, утварью: напрестольный крестъ изъ певга, кедра и кипариса въ серебрѣ, 1709 года, рѣзная голова I. Предтечи и проч. Съ 22 іюля по 24 августа 1831 года въ этой церкви стояли мощи ярославскихъ князей, перенесенныя изъ обгорѣвшаго Спасскаго монастыря.

Первоначальное основаніе Богоявленскаго храма считаютъ современнымъ Спасскому монастырю.

Съ другой стороны монастыря стоитъ другой любопытный памятникъ—церковь Михаила Архангела, построенная въ 1657 г. на средства прихожанъ.

Какъ и предыдущій, этотъ храмъ тоже мало обслѣдованъ. Архангельская церковь по первоначальному основанію почти на 3 года старше Преображенскаго собора, ибо первый деревянный брусяной храмъ того же наименованія заложенъ здѣсь Константиномъ Мудрымъ въ 1213 г. Въ 1292 г. вмѣсто него выстроенъ новый, брусяной же, ярославской княгиней Анною, какъ думаютъ, дочерью хана Менгу-Темира и Евфросиніи (незаконной дочери греческаго императора Михаила VIII Палеолога), второю женою Ѳедора Чернаго, назвавшею его соборомъ и опредѣлившею быть въ немъ, какъ въ таковомъ, протопопу, священникамъ и дьяконамъ.

Памятникомъ княгини Анны остался Владимірскій образъ Богородицы, помѣщенный надъ царскими вратами холоднаго храма и образъ Михаила Архангела.

Обѣ эти иконы хорошей греческой работы.

Въ этомъ же храмѣ находится смоленскій образъ Божіей матери, весьма древняго хорошаго письма, вывезенный всего вѣроятнѣе кн. Ѳеодоромъ изъ Смоленска около 1283 г., во время своего недолгаго пребыванія тамошнимъ княземъ.

Ильинская церковь построена, вмѣсто двухъ бывшихъ тутъ деревянныхъ, богатыми купцами гостинной сотни, новгородскими выходцами Вонифатіемъ и Іоанникіемъ Ивановичами Скрипиными въ 1647—1650 гг. Въ 1658 г. только что выстроенная церковь обгорѣла снаружи, но была поправлена тѣми-же лицами.

Въ первоначальномъ видѣ, насколько онъ можетъ быть возстановленъ, Ильинская церковь представляла художественное и оригинальное произведеніе, прототипомъ которому послужила старѣйшая изъ неперестроенныхъ въ городѣ церковь Николы Надѣина. Снаружи храмъ былъ пестро раскрашенъ. Раскрашены были также и тѣ вставки изъ бѣлаго камня, которыя замѣняютъ въ ней поливные изразцы другихъ церквей и которыя являются чуть ли не единственнымъ примѣромъ этого рода. Кругомъ церкви Скрипиными была построена каменная ограда съ башнями, лавками и палатками, къ которымъ примыкали два каменные же дома для священника и дьякона и деревянный для причетниковъ. Все это вмѣстѣ представляло нѣчто въ родѣ монастыря и было чрезвычайно своеобразно, просуществовавъ въ такомъ видѣ до конца XVШ в.

Внутри церкви заслуживаютъ вниманія входы (двери) съ отдѣлкою или „уборомъ", высѣченною изъ бѣлаго камня и пестро раскрашенною. Стѣнопись 1681 года, работы ярославскихъ и костромскихъ мастеровъ. Заслуживаютъ упоминанія рѣзная, деревянная надпрестольная сѣнь и нѣкоторые образа, изъ

которыхъ образъ Ильи пророка за правымъ столбомъ перенесенъ изъ древней деревянной церкви

Недалеко отъ Ильинской церкви на Волжской набережной стоитъ церковь Николы Надѣина, построенная въ 1621 г. государевымъ гостемъ Надѣемъ Андр. Свѣтишниковымъ, которая является послѣ Преображенскаго собора Спасскаго монастыря древнѣйшею въ городѣ.

Около половины XVIII в. въ ней поставленъ былъ новый иконостасъ рѣзаный, какъ говорятъ, ярославскимъ посадскимъ Фед. Гр. Волковымъ, основателемъ перваго русскаго народнаго театра.

Въ стѣнописи храма указываютъ нѣкоторыя крупныя особенности, какъ напр.: въ картинѣ великаго входа на дискосѣ вмѣсто хлѣба изображенъ лежащій младенецъ Христосъ, чѣмъ образно выражаются слова пѣснопѣнія: «Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ».

Церковь Николы Мокраго (лѣтняя) заложена въ 1665 г., освящена въ 1672 г., а строилась по обѣщанію прихожанами купцами гостинной сотни, Евстафіемъ Лузинымъ и Андреемъ Лёшинымъ, да посадскими Фед. Выморовымъ и Степаномъ Тарабѣевымъ, вмѣсто прежней деревянной церкви, стоявшей ниже нынѣшней и заливавшейся, какъ говорятъ, полою водою; отсюда, будто бы, и само названіе «Мокрый». Но на самомъ дѣлѣ это названіе дано по одному изъ прозвищъ Николая чудотворца, которое укрѣпилось за нимъ по одному изъ его чудесъ, изображенному на стѣнахъ храма (спасеніе утонувшаго ребенка). Эта церковь, возведенная на берегу р. Которостли въ одной изъ бывшихъ пригородныхъ слободъ, такъ же какъ и Ильинская, извѣстна далеко за предѣлами губерніи. Въ свое время она была также одною изъ богатѣйшихъ въ

городѣ—въ ней былъ даже мраморный штучный полъ, нынѣ сохранившійся лишь частями.

Въ этой церкви многое заслуживаетъ вниманія, и даже есть предметы, значеніе которыхъ до настоящаго времени не выяснено окончательно. Таковы напр. «царскія мѣста» и надъалтарные хоры или клиросъ. „Царскія мѣста“ представляютъ изъ себя почти квадратныя пространства, огороженныя съ трехъ сторонъ барьеромъ, увѣнчаннымъ шатровою сѣнью, покоющеюся на столбахъ. Всѣ эти части деревянныя, сплошь покрытыя рѣзьбою, а мѣстами точеныя и, кромѣ того, все сооруженіе раскрашено съ позолотою и серебреніемъ. Въ общемъ, оно, дѣйствительно, напоминаетъ нѣкоторые древніе троны московскихъ царей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличается отъ нихъ значительно.

Кромѣ этихъ мѣстъ въ церкви особенно замѣчательны еще шатровые входы - крыльца, представляющія собою совсѣмъ отдѣльныя сооруженія, образцомъ которыхъ послужили небольшія деревянныя церковки, весьма распространенныя въ то время по деревнямъ, селамъ и даже городамъ.

Прекрасно сохранившаяся церковь Іоанна Предтечи, находящаяся въ древней пригородной слободѣ Толчково, считается по своимъ архитектурнымъ формамъ лучшею въ городѣ. Она первая привлекла ученое вниманіе, извѣстна всему ученому міру, лицамъ царствующаго дома и воспроизведена во многихъ моделяхъ, находившихъ мѣсто не разъ и на заграничныхъ выставкахъ.

Въ ней заслуживаетъ вниманіе чуть не каждый кирпичъ, но особенно замѣчательны: покрытіе въ 15 главъ, паперти, галлереи, крыльца, карнизы, изразцы и фигурный кирпичъ, кирпичныя скамьи на паперти, стѣнопись 1695—1700 г.г., рѣзные иконостасы, серебряная утварь, ризница и множество дру-

гихъ мелкихъ подробностей. Слѣдуетъ упомянуть также о «тайникахъ», т. е., собственно, объ устройствѣ алтаря, очень смѣломъ въ строительномъ отношеніи. Это устройство, извѣстное лишь въ Ярославской губерніи, заключается въ томъ, что восточная стѣна — иногда очень высокая и массивная — возведена не на фундаментѣ а на сводахъ, перекрывающихъ алтарныя абсиды и продолженныхъ до переднихъ столбовъ храма, такъ что въ разрѣзѣ эта стѣна представляется висящей на воздухѣ. Недалеко отъ Предтечевской церкви протекаетъ въ довольно красивыхъ берегахъ Купальный ручей, впадающій въ Которостль. Этотъ ручей служилъ мѣстомъ купальскихъ обрядовъ, праздненствъ и игрищъ во времена язычества и долго еще послѣ его паденія.

Отъ Предтечевской церкви прямая дорога на Тугову гору, мѣсто побоища и пораженія (1257 г. 3 іюля) ярославцевъ подъ предводительствомъ ихъ молодого князя Константина, павшаго на полѣ битвы. Говорятъ, что каменная глухая часовня на восточной оконечности «горы» поставлена на мѣстѣ убійства князя. Туговскую битву признаютъ за первую попытку порабощенныхъ русскихъ противостать татарамъ.

Въ кладбищенской церкви на Туговой горѣ находится небольшой нерукотворенный образъ Спаса греческой работы, принесенный въ 1790 г. ярославскимъ купцомъ Холщевниковымъ. По словамъ надписи на иконѣ, она писана съ подлиннаго убруса (нерукотвореннаго образа Спаса) въ 1618 г. и привезена изъ Константинополя въ Москву царю Михаилу Ѳеодоровичу іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ отъ константинопольскаго патріарха Тимофея. Императрица Анна Ивановна передала образъ своему духовнику, троицко-сергіевскому архимандриту Варлааму, а отъ него она перешла къ Холщевниковымъ.

Церковь Іоанна Златоуста въ Коровникахъ (бывшая пригородная слобода) построена въ 1654 году Неждановыми Иваномъ и Федоромъ Федоровыми). Этотъ храмъ замѣчателенъ кувшинчатыми столбами крылецъ и шатровыми покрытіями придѣловъ. На колокольнѣ церкви, признаваемой одною изъ самыхъ стройныхъ въ Россіи, уцѣлѣли колокола, литые въ Сибири на заводѣ Демидова, брата основателя лицея. До 1887 г. колокольня Іоанно златоустовской церкви, очень хорошо сохранившейся, была естественнаго кирпичнаго цвѣта, но въ этомъ году церковный староста къ имѣвшему быть тогда въ Ярославлѣ VII обще русскому археологическому съѣзду, заблагоразсудилъ выбѣлить ее и раздѣлать синими (ультра-мариновыми) разводами, какъ и самый храмъ.

На мысу, образуемомъ сліяніемъ Волги съ Которостлью, такъ наз. Стрѣлкѣ, возвышается длинное бѣлое зданіе Демидовскаго юридическаго лицея. Основанъ онъ былъ подъ именемъ ярославскаго высшихъ наукъ училища по почину и на средства Пав. Гр. Демидова, —потомка того тульскаго кузнеца, который первый сталъ разработывать уральскія руды по вызову Великаго Петра. Сперва Демидовъ хотѣлъ дать лишь средства для содержанія въ ярославской гимназіи бѣдныхъ дѣтей дворянъ Ярославской губерніи, но послѣ остановился на мысли основать въ Ярославлѣ университетъ, предоставивъ на его учрежденіе свою романовскую отчину съ 1320 душами, угличскія деревни съ 2240 душами крѣпостныхъ людей и 100.000 рублей деньгами. Въ прошеніи къ Александру I Демидовъ писалъ: «Извѣстно мнѣ, сколь великое число неимущаго дворянства Ярославской губерніи имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ бы оно, съ малыми средствами, могло пріобрѣтать *всѣ*

тъ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце. Принимаю смѣлость просить.: дабы... повелѣно было назначенную въ Ярославлѣ гимназію возвысить въ такое училище, которое бы имѣло *одинокую степень съ университами*»... Относительно денегъ онъ желалъ, чтобы доходы съ нихъ употреблялись „*и иначе, какъ на содержаніе и имущихъ этой* (Ярославской) *губерніи дворянъ и другого сословія людей*“. Именнымъ указомъ отъ 6 го іюня 1803 г. повелѣвалось между пр.: «привести въ исполненіе всѣ распоряженія, самымъ благотворителемъ учиненныя, въ точной сообразности съ его волею, возложить на министра народнаго просвѣщенія.» *) Не смотря на это, нынѣ Демидовскій лицей не исполняетъ ни одного желанія Демидова.

Подготовительныя работы по открытію ярославскаго высшихъ наукъ училища велъ гл. обр. директоръ ярославскихъ училищъ А. Н. Хомутовъ а само открытіе состоялось въ 1804 г. Подъ училище былъ отданъ архіерейскій домъ, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго лицея и слывшій подъ названіемъ „новаго,“ т. к. онъ былъ построенъ въ 1780 г. архіепископомъ Самуиломъ Мисловскимъ. Но т. к. этотъ «новый» домъ былъ до того ветхъ, что не могъ быть обитаемъ, то для училища наняли домъ купчихи Васюхновой, въ которомъ и помѣстились присланные въ этомъ году изъ Москвы пять профессоровъ **) и пять же студентовъ ***) тамошняго университета—«для распредѣленія ихъ каждому изъ профессо-

*) Обозрѣніе пятидесятилѣтняго существованія Демидовскаго лицея. Гладковъ. 1853 г. стр. 10. Черты жизни и дѣятельности ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища. К. Головщиковъ 1869 г.

**) Вольке, Срезневскій, Шимацкій, Шмидтъ и Яишъ.

***) Васюхновъ, Поспѣловъ, Симантовскій, Соцъ и Чановъ.

ровъ". Къ этимъ пяти здѣсь присоединили еще пять человѣкъ изъ гимназіи и сиротскаго дома. Съ 1-го августа начались лекціи, которыя предполагалось читать на *латинскомъ* языкѣ по незнанію учениками нѣмецкаго. 28 янв. 1805 г. утвержденъ уставъ и штатъ училища, сохраняемый до нынѣ въ лицеѣ. Этимъ уставомъ училище названо „Демидовскимъ высшихъ наукъ" и опредѣлено, какъ занимающее „первую степень непосредственно послѣ центральныхъ университетовъ", но на факультеты не раздѣленное. Управленіе ввѣрено проректору *) ежегодно избираемому изъ профессоровъ, и совѣту, состоящему изъ всѣхъ остальныхъ профессоровъ; число студентовъ, содержимыхъ на средства училища, опредѣлено въ 20 чел., изъ недостаточныхъ дворянъ и другихъ сословій Ярославской губерніи, на своемъ же содержаніи допускались всѣ, достаточно подготовленные. 29 апр. училище торжественно праздновало свое открытіе въ домѣ купца Матвѣевскаго, уцѣлѣвшаго до нынѣ и находящагося рядомъ съ цер Козмы и Даміана, на Ильинской площади, въ который оно перешло къ тому времени. По субботамъ лекціи опытной химіи, а по средамъ — лекціи русской исторіи были публичными. Такимъ образомъ для ярославцевъ открылась полная возможность широко пользоваться прекрасно поставленнымъ по своимъ внутреннимъ распорядкамъ высшимъ училищемъ, но пользоваться этой возможностью они не умѣли. Въ концѣ 1805 г. сдалъ испытаніе на званіе кандидата только одинъ студентъ Соцъ, оставленный при училищѣ для преподаванія чистой математики и русскаго и латинскаго языковъ, а первые

*) Первымъ избранъ (22 фев.) Янишъ,—профессоръ химіи и естественной исторіи, б. м. въ угоду Демидову, любившему эти науки.

экзамены («приватные») въ іюнѣ 1806 г. выдержали только 3 ученика, удостоенные званія студентовъ. Вообще учениковъ было немного. Въ 1805 г.—30 чел., въ 1810—и съ пансіонерами 38, въ 1815 студентовъ 32, въ 1820—93, въ 1825—95, 1830—112; кончило съ правомъ на XIV классъ всего, съ основанія и до 1833 г.—326 чел. (Тамъ же стр. 33). Для привлеченія ихъ совѣтомъ принимались различныя мѣры, между пр. и допущеніе учениковъ изъ гимназій другихъ губерній. А попечитель, графъ А. К. Разумовскій, въ 1809 г. распорядился, чтобъ профессора училища ходили на испытанія въ гимназію и луч шихъ учениковъ склоняли бы къ переходу въ Демидовское училище. (Историчес. записка о яросл. гимназіи. И. М. Звонниковъ, стр. 4.). Съ 1806 же года начали издаваться (ежегодно) и лекціи, а въ 1808 г. училище перешло наконецъ въ свой отстроенный уже домъ, достигавшій всего 23 саж. длины, но поправка котораго обошлась въ 28 227 р. ассигнаціями. Въ 1811 г. отведена училищу земля, находившаяся межъ нимъ и старымъ архіерейскимъ домомъ (нынѣ „Соборный“, построеннымъ въ 1690 г. ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сисоевичемъ) и начата дополнительная перестройка зданія училища, продолжавшаяся до 1815 г., причемъ длина зданія доведена до 56 с. и возведены, кромѣ, того, отдѣльныя помѣщенія для библіотеки музеевъ и службъ.

Въ 1813 г. учреждено при училищѣ для практическихъ занятій лучшихъ студентовъ *общество любителей россійской словесности*, но «получило свое бытіе» лишь въ 1815 г. Его давно уже не существуетъ*).

Съ 1825 по 1827 г. при почетномъ попечителѣ училища Безобразовѣ на мѣстѣ службъ разведенъ садъ, устроена

*) Открытое въ 1898 г. юридическое общество весьма мало проявляетъ свою дѣятельность.

домовая церковь и увеличено самое училище, достигавшее въ 1830 г. уже 62 с. длины и 7²/₃ с. ширины.

Въ 1832 г. ярославское дворянство возбудило ходатайство о преобразованіи лицея въ кадетскій корпусъ, но получило отказъ («От. Зап.» 1870 г. XI. Наши общест. дѣла ст. 81

2 Авг 1833 г. утвержденъ новый уставъ и штатъ училища, и само оно переименовано въ Демидовскій лицей, но лучше отъ того не стало, а напротивъ, дѣятельность училища упала *), при чемъ среди учениковъ его дворянъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, и назначалось оно было очень немного даже и среди воспитывавшихся на средства лицея.

Въ 1834 г. на мѣсто желѣзной рѣшетки приступлено по повелѣнію Николая I къ постройкѣ каменной ограды вокругъ всей земли училища, протяженіемъ 275 с., высотой 2½ ар. Эта ограда существовала неизмѣнною до 1890-хъ гг. (когда крышки на столбахъ изъ 4-скатныхъ сдѣлали 2-скатными) Въ 1851 г для практическихъ занятій студентовъ по ботаникѣ Пет. Ал. Бемъ выстроилъ въ саду лицея прекрасную оранжерею и теплицу, снабдивъ ихъ рѣдкими и роскошными растеніями. Онѣ существовали до 1866 г., когда окончательно пришли въ ветхость и проданы съ торговъ. Садъ Демидовскаго лицея въ былыя времена былъ открытъ для публики и весьма охотно посѣщался ею, особенно дѣтьми съ нянъками боннами и гувернантками. Кромѣ того въ немъ устраивались какъ студентами, такъ и пріѣзжими фокусниками престидижаторами и прочими увеселите-

*) Въ 1835 г. въ немъ было студентовъ 114 ч., въ 1840—34, 1845—35, 1850—87, 1855—106, въ 1860—56, 1868—67 чел. Точно также и пансіонъ, открытый еще въ первые годы существованія училища, не процвѣталъ: въ 1839 и 1844 г. студентовъ-пансіонеровъ вовсе не было, въ 1840 и 1843—по 1 чел. въ 1841 и 1842—3 чел. (Тамъ же стр. 49).

лями иллюминаціи, гулянья и вечера съ музыкой, бенгальскими огнями и фейерверками. Чистый опрятный, красивый и хорошо содержимый садъ этотъ представлялъ изъ себя одинъ изъ лучшихъ уголковъ Ярославля, гдѣ можно было отдохнуть въ тѣни, подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться съ двухъ его террасъ—обширнымъ видомъ на Волгу и заволжье. Но съ половины 60-хъ гг. его затворили для публики и забросили и вновь расчистили только почти черезъ 20 лѣтъ, да и то лишь для живущихъ служащихъ лицея. Одно время, а именно вскорѣ послѣ смерти Н. А. Некрасова, среди ярославскаго общества, особенно же среди учащейся и служащей молодежи, бродила мысль о постановкѣ передъ садомъ, на круглой площадкѣ, на самой Стрѣлкѣ, памятника поэту. Если ему когда нибудь суждено быть воздвигнутымъ, то лучшаго выбора мѣста для этого памятника нельзя и сдѣлать: за нимъ будетъ училище, передъ нимъ воспѣтая и столь любимая поэтомъ Волга, по отмелямъ которой онъ бродилъ и думалъ свои невеселыя думы.

Въ 1870 г. Демидовскій лицей переименованъ въ Демидовскій юридическій. Утратой высшаго общеобразовательнаго училища ярославцы обязаны бывшему министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому, заявившему въ 1866 г. профессорамъ и студентамъ о своемъ непремѣнномъ желаніи создать изъ лицея полный юридическій факультетъ, уставъ котораго, составленный графомъ, утвержденъ 3-го іюля 1868 г. Въ 1906—7 г. былъ поднятъ вопросъ о превращеніи лицея въ университетъ, обстоятельства благопріятствовали, но вопросъ провалили сами лицейскіе профессора изъза личныхъ разсчетовъ. Что касается до потомковъ основателя лицея, то они все время поддерживаютъ съ нимъ связь, а съ 1848 г. званіе почетнаго попечителя лицея предоставлено ихъ роду, какъ наслѣдственное.

На мѣстѣ лицея, при первой династіи ярославскихъ удѣльныхъ князей, стоялъ, какъ думаютъ, дворецъ этихъ князей. Предположеніе это основано на томъ, что тутъ же былъ и воеводскій дворъ съ домомъ, фундаментъ котораго и до сихъ поръ обнаруживается при земляныхъ работахъ. Кромѣ того, въ лѣтописи есть указаніе, что соборъ поставленъ на княжемъ дворѣ.

Изъ бывшихъ лицейскихъ профессоровъ можно указать на К. Д. Ушинскаго, — составителя всѣмъ извѣстнаго «Родного Слова» и „Дѣтскій міръ и хрестоматія“, навлекшаго на себя гоненія своею рѣчью «О камеральномъ образованіи», изъ за которой онъ долженъ былъ уйдти изъ лицея въ 1850 г., пробывъ всего четыре года; Дювернуа, Дитятина, Тарасова, Исаева, Азаревича, Капустина и др.

На Ильинской площади возвышается единственный пока въ Ярославлѣ памятникъ основателю лицея, извѣстный больше подъ названіемъ „мѣднаго столба“ и «монумента», возвышающійся нынѣ среди Демидовскаго сада. Мысль о почтеніи памяти П. Г. Демидова зародились въ средѣ ярославскаго дворянства скоро спустя по открытіи лицея, но осуществилась лишь лѣтъ черезъ 20, при губернаторѣ Безобразовѣ. Представленный имъ на благоусмотрѣніе государя планъ и рисунокъ памятника утвержденъ Александромъ I 2-го мая 1822 года. Вмѣстѣ съ этимъ была разрѣшена и подписка на добровольныя пожертвованія, давшая 60.000 р. Въ 1824 г. отлита ярославскимъ купцомъ, колокололитейщикомъ Ив. Чарышниковымъ, бронзовая колонна 17 ар. высотой, поставленная въ 1826 г. на привезенный изъ Петербурга въ этомъ же году гранитный пьедесталъ. Въ ноябрѣ 1828 г. доставленъ оттуда же бронзовый глобусъ съ орломъ, работы художника Крылова, 6 марта 1829 г. памятникъ, наконецъ, торжественно открытъ.

Къ концу 1860 г.г. памятникъ пришелъ въ упадокъ. Бывшіе студенты лицея, служившіе по вѣдомству ярославскаго окружнаго суда, собрали межъ собою въ 1868 г. деньги на его поправку и отослали ихъ въ совѣтъ лицея вмѣстѣ съ просьбой выхлопотать разрѣшеніе на возобновленіе памятника и на приглашеніе къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ бывшихъ лицеистовъ. Эта просьба удовлетворена 6 декаб. 1868 г а къ концу 1869 г. пожертвованій собралось уже 371 р. 50 к. Однако, возобновленія памятникъ дождался лишь въ 1880 годахъ при содѣйствіи города, при чемъ долго не думая распорядились и самую колонну вычистить наждакомъ, какъ самоваръ къ празднику. «Мѣдный столбъ» является любимымъ мѣстомъ игръ и шалостей окрестныхъ ребятишекъ, которымъ особенно нравится бѣгать по приступкамъ его пьедестала, а со времени разведенія сада или бульвара (въ 80-хъ г.г.), по вечерамъ здѣсь много гуляетъ и взрослыхъ.

Съ прохода между бульварами видъ на Ильинскую улицу преграждается большимъ трехъэтажнымъ зданіемъ ярославской губернской гимназіи (мужской), одной изъ старѣйшихъ въ Россіи. Она открыта 15 мая 1805 года въ помѣщеніи Демидовскаго высшихъ наукъ училища, занимавшаго тогда домъ купца Матвѣевскаго. Изъ этого дома она перезедена 25 сентября въ сиротскій домъ, въ которомъ и оставалась, къ неудовольствію совѣта его до августа 1812 г. Первое публичное испытаніе (пріемный экзаменъ) произведено въ гимназіи 14 авг. 1805 г. и дало въ результатѣ пріемъ 50 чел. учениковъ. Новая гимназія была четырехклассною. Долго ей не везло съ помѣщеніемъ. При открытіи ей былъ переданъ домъ, занимавшійся до того времени главнымъ народн. училищемъ, открытымъ въ 1786 г., но перейти въ него она не могла, т. к. этотъ домъ приказомъ об-

щественнаго призрѣнія былъ сданъ по условію содержателямъ питейныхъ сборовъ для покрытія расходовъ по его постройкѣ. Раньше на мѣстѣ училищнаго дома стояли дома воеводской канцеляріи и «Красной» богадѣльни. Съ упраздненіемъ воеводствъ, при А. П. Мельгуновѣ, въ первомъ помѣщалась дворянская „гимназія", а во второмъ—городовая школа. Ихъ смѣнило главное народное училище, помѣщенное въ первомъ изъ этихъ домовъ, но оба дома были тогда же признаны неудобными (тѣсными) и на мѣстѣ ихъ рѣшено было построить новый домъ для губернаторовъ, съ каковой цѣлью въ 1788 г. богадѣльня сломана, а на ея мѣстѣ заложенъ губернаторскій домъ. На наружной стѣнѣ мужской половины богадѣльни, надъ воротами, былъ написанъ нерукотворный образъ Спасителя. Преданіе разсказываетъ, что когда, при сломкѣ богадѣльни, каменщикъ, разбирая стѣну, ударилъ ломомъ въ щеку Христа, изъ язвы показалась кровь, а ударившій упалъ замертво*). Это чудо, поразившее всѣхъ ужасомъ, заставило оставить часть стѣны съ образомъ неприкосновенною, и она цѣликомъ вошла въ новое зданіе. Съ тѣхъ поръ этотъ образъ считается чуть-ли не первой святыней въ городѣ; передъ нимъ и день и ночь теплятся неугасимыя лампады и множество свѣчей Ни одинъ почти ярославецъ не пройдетъ мимо, не помолившись, а многіе, особенно женщины, нарочно пріѣзжаютъ поклониться святынѣ, почему вилѣтъ около часовни (устроенной тутъ въ 1843 г. а въ 1880 г. заново перестроенной по чертежу Поздѣева), нѣсколько богатыхъ экипажей—вовсе не составляетъ рѣдкости. Богомольцевъ же въ часовнѣ, особенно по утрамъ, т. е. въ дѣловую пору дня, всегда много, что въ свою очередь влечетъ и всегдашнее присутствіе здѣсь нищихъ.

---

*) По другимъ свѣдѣніямъ у него отсохли руки.

Губернаторскій домъ строился на средства гражданъ приказомъ общественнаго призрѣнія и конченъ около 1793 г. Съ этого года и до 1795 г. въ немъ жилъ генералъ-губернаторъ, а затѣмъ приказъ отдалъ его, какъ уже замѣчено, въ наймы. Когда кончился срокъ заключеннаго условія, то оказалось, что домъ требуетъ значительныхъ поправокъ, и только въ 1809 г. часть его предоставлена училищному вѣдомству; но гимназія перешла въ него лишь въ сентябрѣ 1812 г. послѣ большихъ поправокъ, производившихся въ домѣ въ теченіе этого и предъидущаго годовъ и обошедшихся ей въ 22000 руб. Остальная часть дома перешла къ гимназіи въ 1816 году Просуществовавъ 12 лѣтъ, домъ вновь потребовалъ поправки и въ 1824 году на отпущенные правительствомъ 40372 руб. передѣланъ и расширенъ. Но къ 1850 г. онъ опять обветшалъ и съ 1853 г., въ который гимназія переведена въ сосѣдній дворянскій, стоялъ заброшенный и пустой до 1880 гг. Въ началѣ ихъ министерство народнаго просвѣщенія уступило домъ городу, отдѣлавшему его на занятыя деньги подъ казармы, названныя по сосѣдней церкви—Спасъ на городу «спасскими» и открытыя въ 1886 г. Отдѣлывалъ домъ городской архитекторъ Поздѣевъ, сохранившій его почти въ прежнемъ (съ 1824 г.) видѣ. Этотъ домъ по стилю можно признать лучшимъ изъ сооруженныхъ въ Ярославлѣ въ концѣ въ XVIII и началѣ XIX ст. Онъ былъ (особенно безъ задѣлокъ боковыхъ пролетовъ) дѣйствительно изященъ и красивъ, тогда какъ всѣ остальныя зданія того времени представляются очень нехудожественными твореніями.

Первое время въ гимназіи учениковъ было немного; число ихъ начинаетъ увеличиваться лишь съ 1819 г., достигая наибольшей величины въ 1870 г. Въ 1826 г. введена форменная одежда для учениковъ: синіе однобортные съ бѣлы-

ми гладкими пуговицами сюртукъ и мундиръ и синяя же фуражка; воротникъ и околышъ малиновые. Въ 1833 г. введенъ новый уставъ, курсъ раздѣленъ на 7 классовъ, и успѣхи и поведеніе стали отмѣчать не словами, какъ было до этого, а цифрами (баллами) до 4.

Въ 1835 г. гимназія купила за 6,000 руб. смежный съ нею домъ купца Тюрина, который позже былъ разобранъ по ветхости и на его мѣстѣ возведенъ дворянскій домъ, въ которомъ помѣстился благородный пансіонъ, торжественно открытый здѣсь 25 іюня 1843 г., а ранѣе (съ 1836 г. временный) находившійся въ домѣ уѣзднаго училища. Въ слѣдующемъ году первые три класса раздѣлены на отдѣленія, а въ 1861 г. по мысли инспектора Лекторскаго образована ученическая библіотека изъ книгъ, добровольно пожертвованныхъ воспитанниками гимназіи и какимъ путемъ эта библіотека продолжала пополняться и послѣ,—въ началѣ каждаго учебнаго года. Въ 1865 г. для старшихъ учениковъ введены, по предложенію директора Ал. Ник. Соколова, литературныя бесѣды. Въ 1874 г. закрытъ дворянствомъ благородный пансіонъ, а черезъ шесть лѣтъ, въ 1880 г., и самая гимназія изъ дворянскаго дома переведена въ только что отстроенное зданіе городской думы, на Ильинскую площадь, стоявшее до этого времени въ развалинахъ, служа пріютомъ совъ, летучихъ мышей и разныхъ темныхъ личностей. Не смотря на то, что подъ гимназію отдана половина всего думскаго дома, помѣщеніе это для нея было тѣсно и неудобно, на что обратилъ вниманіе директоръ гимназіи Ник. Гр. Высотскій. Взявшись горячо за дѣло, онъ добился того, что у гимназіи явился опять собственный домъ, заложенный въ 1898 г. у цер. Симеона Столпника, а оконченный въ 1900 г. Домъ выстроенъ согласно всѣмъ требованіямъ пос-

лѣдняго времени. Особенной извѣстностью изъ среды служащихъ въ гимназіи пользовались директоръ ея Ив. Моис. Звонниковъ, инспекторъ Ил. Ил. Рогозинниковъ и швейцаръ Лисицынъ. Передъ глазами послѣдняго прошли десятки поколѣній учениковъ, многіе изъ представителей которыхъ уже въ свою очередь учатъ не первое поколѣніе. Илья Ильичъ былъ врагъ длинныхъ волосъ и причесокъ гимназистовъ, которыхъ по его велѣнію съ особымъ усердіемъ стригъ «лѣстницами» неизмѣнный Лисицынъ.

Изъ просвѣтительно-благотворительныхъ учрежденій города слѣдуетъ отмѣтить *Екат рининскій домъ призрѣнія ближняго* или, какъ онъ обыкновенно зовется всѣми жителями города — *сиротскій домъ*, который является первой попыткой упорядочить здѣсь благотворительность. Первый намѣстникъ ярославскій — Ал. Пет. Мельгуновъ, въ началѣ своего правленія губерніей, между другими справками, собралъ также справки о сирыхъ, безпріютныхъ дѣтяхъ, нищихъ, убогихъ и прочихъ представителяхъ многочисленнаго разряда меньшей братіи. Количество этихъ пасынковъ судьбы, а особенно малолѣтнихъ изъ нихъ поразило вельможу — Мельгунова и зародило въ немъ желаніе устроить ихъ хоть сколько нибудь сносно. Онъ началъ собирать на этотъ предметъ деньги и къ концу 1784 г. собралъ 18.000 руб., образовавшіяся изъ пожертвованій 132 лицъ, преимущественно дворянъ и частью купцовъ. Однимъ изъ послѣднихъ И. Я. Кучумовымъ сдѣланъ наиболѣе крупный взносъ въ 300 р. Съ этими деньгами Мельгуновъ весной 1785 г. и заложилъ сиротскій домъ, поручивъ завѣдываніе постройкой архитекторамъ Куз. Арт. Говоркову и Гав. Сам. Муратову.*) Заложенное зданіе бы-

*) Преимущественно первому. См. Истор. очеркъ столѣтняго существованія дома призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ. Ар. В. Скульскій.

ло много меньше существующаго и заключало въ себѣ только ту часть его, которая обращена къ рынку или т. наз. Мытному двору. Но и эту часть трудно было построить на указанныя деньги. Скоро оказалось, что не хватаетъ кирпича. Тогда Мельгуновъ распорядился разобрать Власьевскую или Знаменскую башню и часовню въ старыхъ торговыхъ рядахъ. Но, къ счастью, нашлись люди, спасшіе эти памятники былого Ярославля: городское купечество, особенно почитая и уважая образъ знаменія, Б. М. находившійся надъ воротами башни, выкупило ее у намѣстника, доставивъ для сиротскаго дома 15,000 кирпича, а часовню отстоялъ купецъ Киселевъ, прямо-таки недопустившій Говоркова ломать ее, хотя и могъ за это подвергнуться неособенно пріятному гнѣву всесильнаго Мельгунова. Впрочемъ, несмотря на затрудненія, домъ строился недолго: онъ конченъ въ февралѣ 1786 г. Торопясь по настояніямъ намѣстника съ окончаніемъ порученнаго дѣла, Говорковъ для „обживанія“, т. е. просушки новаго зданія употребилъ очень простое, но и достаточно своеобразное средство. Долго не думая, онъ пустилъ въ него жить 120 чел. разныхъ мастеровыхъ — портныхъ, плотниковъ, штукатуровъ и проч. И домъ, говоритъ авторъ названной выше книжки, просохъ очень скоро. По истинѣ, — и дешево, и сердито.

Средства для содержанія будущихъ призрѣваемыхъ образовались также изъ добровольныхъ пожертвованій, среди которыхъ выдѣляется опять-таки пожертвованіе того же Кучумова. Умирая, онъ отказалъ дому $^1/_5$ часть своего имущества, которая выразилась суммою въ 20.322 р. Вдова его Евд. Ив. Кучумова къ этимъ деньгамъ прибавила отъ себя 1050 руб., а внукъ Ег. Ив. Желудковъ 2000 р. Кромѣ того далъ еще неизвѣстный 6628 р., что все вмѣстѣ и образо-

вало сумму въ 30.000 р., легшую въ основу капитала на содержаніе дома и позволявшую принять въ него до 40 дѣтей. Такъ обр. внѣшняя сторона дѣла была кончена; а 10 марта 1786 г. утверждено Екатериной II и „учрежденіе“, т. е. положеніе о «Домѣ помощи», какъ онъ назывался первоначально, состоявшее изъ 9 статей. Къ нимъ государыня прибавила отъ себя замѣчаніе о томъ, чтобы воспитаніе юношества „происходило по правиламъ общимъ, съ божіими и государственными законами согласнымъ, отдаляя все колобродное, обманомъ или невѣжествомъ выдуманное“. Оставалось только открыть домъ. Мелыгуновъ хотѣлъ пріурочить открытіе къ 21 апр.,—т. е. ко дню рожденія государыни. Но тутъ встрѣтилось вдругъ неожиданное препятствіе: родственники и пріютившіе у себя бѣдныхъ сирыхъ и бездомныхъ дѣтей положительно не хотѣли отдать ихъ въ Домъ помощи. Не смотря на разосланныя по всей губерніи предписанія, съ великимъ трудомъ удалось достать ко дню открытія всего лишь трехъ мальчиковъ изъ мѣщанъ г. Ростова, привезенныхъ въ Ярославль наканунѣ торжествъ. Не взирая на это, открытіе дома состоялось все-таки въ назначенное время и отличалось небывалой еще до того времени торжественностью,—съ одами, рѣчами и даже пушечною пальбою. Въ маѣ добыли еще 4 мальчиковъ, а въ іюнѣ было помѣщено и нѣсколько человѣкъ престарѣлыхъ и убогихъ. 2-го октября освящена домовая церковь, первымъ настоятелемъ которой былъ мологскій протоіерей Фед. Аврамовъ. Съ весны 1787 г. начата постройка нынѣ главной части дома—(по Ростовской или Екатерининской улицѣ), оконченной къ октябрю. Проектъ сооруженія составлялъ губернскій архитекторъ Левенгагенъ, а строилъ Говорковъ и едва-ли не на суммы разныхъ казенныхъ учрежденій. По кр. м. извѣстно,

что по настоянію Мельгунова такихъ суммъ передано дому за указанный годъ 26564 р., а смѣта по постройкѣ сдѣлана была въ 21331 р. Весьма интересовавшійся домомъ Мельгуновъ, кромѣ денегъ, отдалъ ему также значительный участокъ земли въ цѣлый кварталъ, расположенный черезъ Угличскую улицу наискось отъ дома и занятый нынѣ толкучимъ рынкомъ съ торговыми рядами по краямъ и Срѣтенской церковью. На этомъ участкѣ былъ разведенъ садъ, принадлежавшій намѣстническому дворцу, но открытый и для публики прозвавшей его «подъ липкой» или „подъ липками". Въ исключительное пользованіе воспитанниковъ сиротскаго дома онъ поступилъ позже, первое же время въ немъ устраивались гулянья и вечера для пополненія суммъ дома. Со сломкой въ 1811 г. находившагося въ саду вокзала, этотъ участокъ оттягалъ себѣ городъ, а росшія тамъ липы пересажены при губернаторѣ Безобразовѣ на бульваръ. Съ 1807 г. открыты въ домѣ благородныя собранія и маскарады, привившіеся весьма успѣшно и дававшіе дому порядочный доходъ. Кромѣ того здѣсь же былъ устроенъ и театръ, существовавшій до 1805 г. Въ 1820 г. учреждена странноприимная палата Грязевыхъ на завѣщанный Ир. Ив Грязевою капиталъ въ 42000 р. Особое зданіе для этого учрежденія выстроено въ 1860 г. и въ немъ нашла пріютъ послѣдняя Грязева, Софія Николаевна, по мужу Рябцова,—внучка основательницы. Состоя пожизненно попечительницею палаты Грязевыхъ, она по неимѣнію средствъ, поступила въ палату въ 1886 г. и находилась въ ней до 1890 г., когда взята была родственниками, у которыхъ и умерла въ 1892 г. Въ залѣ сиротскаго дома виситъ портретъ ея бабушки. Грустная иронія судьбы.

Что касается до учебно-воспитательной части сиротскаго дома, то здѣсь

можно отмѣтить слѣдующее. Въ первый же годъ существованія въ домѣ были открыты 2 класса, но вскорѣ къ нимъ присоединенъ третій—рисовальный. Съ 22 сентября 1786 г. и до 15 мая 1 05 г. въ сиротскомъ домѣ помѣщалось главное народное училище, а съ этого времени и до 1812 г. гимназія. Съ 1817 г. переведено въ Домъ уѣздное училище, и въ этомъ же году вышелъ первый очеркъ исторіи дома помощи, печатанный въ Петербургѣ. Въ 1823 г. перемѣненъ покрой платья воспитанницъ дома и введена одежда по образцу одежды, принятому въ Смольномъ монастырѣ (институтѣ). Съ 1860—1861 гг помѣщалось женское училище 1-го разряда—(1-я женская гимназія). Въ 1862 г. стараніями Ев. И. Якушкина и Ал С. Хомутова основана ученическая библіотека въ 300 томовъ Въ 1880 г. введены правила пріема пансіонеровъ. Въ 1882 г открыта 8 классная женская гимназія (вторая), существовавшая 7-классною съ 1877 г., и основана при ней ученическая библіотека Съ 1883 г. допущены въ эту гимназію приходящія. Кромѣ того въ 1812 г. домъ призрѣнія ближняго занятъ былъ больницею для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Съ 1896 г. дому присвоено названіе „Екатерининскаго“, по случаю столѣтія существованія. Воспитанники сиротскаго дома, особенно мальчики, пользовались въ городѣ нелестною репутаціею невоспитанныхъ сорванцевъ, озорниковъ и «бурбоновъ», грубыхъ и неопрятныхъ.

Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, вмѣстѣ съ улучшеніемъ одежды и пищи, обращено было вниманіе и на улучшеніе воспитанія, такъ что въ настоящее время питомцы сиротскаго дома не представляютъ изъ себя болѣе какой-то особой касты чуть не отверженниковъ.

Капиталъ дома въ 1886 г. равнялся 270000 руб., годовой бюджетъ около 45000 руб., но пожертвованія какъ день-

гами, такъ и вещами продолжали поступать постоянно, особенно въ день годовщины открытія дома.

Послѣднимъ сооруженіемъ въ сиротскомъ домѣ было зданіе дѣтской больницы, открытой 10 сентября 1900 г. и выстроенное на средства, полученныя съ трехъ танцевальныхъ вечеровъ и концерта, устроенныхъ женою губернатора Ел. Вл. Штюрмеръ и отъ благотворителей, изъ которыхъ болѣе крупнымъ былъ тогдашній городской голова И. А. Вахромѣевъ. Въ сиротскомъ домѣ имѣется хорошее собраніе портретовъ.

Стрѣлецкій бульваръ оканчивается зданіемъ городского театра, перешедшаго въ собственность города въ 1882 г. (9 марта), а до этого бывшимъ частною собственностью. Городъ купилъ его у купца Черногорова за 15,000 руб. съ библіотекою въ 1500 книгъ, гардеробомъ, мебелью и пр. Часть библіотеки, утратившая значеніе современности, но представляющая наибольшій историческій интересъ, свалена въ городской думѣ чуть-ли не на чердакѣ и предоставлена всякимъ случайностямъ. Почему думѣ не передать бы ее въ мѣстную архивную комиссію, тщательно и заботливо собирающую все, что связано съ именемъ основателя русскаго народнаго театра Ѳ. Г. Волкова и съ ярославскимъ театромъ? Въ древлехранилищѣ комиссіи Волкову отведена особая отдѣльная витрина и въ Волковскій отдѣлъ пріобрѣтено уже между прочимъ и нѣсколько пьесъ изъ библіотеки Смирнова. Не изъ думскаго ли архива онѣ попали на рынокъ? Первый театръ на бульварѣ—деревянный, оштукатуренный — построилъ въ 1820 г. губернскій архитекторъ Паньковъ на отведенной ему губернаторомъ Безобразовымъ землѣ (на Власьевской площади). Въ 1841 г. это зданіе замѣнено каменнымъ—петербургскимъ купцомъ М. Я Алексѣевымъ, а въ 1882 г. старое зданіе уже городомъ расширено переднею и бо-

ковыми пристройками по чертежамъ городского архитектора Поздѣева. Однако, и расширенный театръ былъ далеко необширнымъ, давая полнаго сбора всего около 600 руб. Это обстоятельство, а гл. обр. появившіяся въ стѣнахъ театра трещины угрожающаго характера, побудили думу въ 1908 г. сломать старое театральное зданіе и приступить къ сооруженію новаго. При сломкѣ обнаружилось, что правая (отъ сцены) половина театра стояла не на материкѣ, а на насыпной землѣ, заполнявшей бывшій крѣпостной ровъ ярославскаго земляного города. Съ постройкою новаго театра вышла „исторія“. Сперва дума рѣшила строить его хозяйственнымъ способомъ по чертежамъ своего архитектора А. А. Никифорова, но подъ давленіемъ мѣстной печати и общественнаго мнѣнія назначила конкурсъ при московскомъ обществѣ архитекторовъ.

Послѣ долгихъ препирательствъ, къ общему удивленію, рѣшили, наконецъ, строить театръ по проекту начинающаго архитектора г. Спирина, получившаго на конкурсѣ первую премію, но безусловно уступающему во всѣхъ отношеніяхъ непремированному проекту, выставленному подъ девизомъ «Черныя маски». Смѣту по этой постройкѣ догнали почти до 250,000 руб.

Первое основаніе народному театру въ Ярославлѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и во всей Россіи положилъ сынъ костромского посадскаго человѣка (мѣщанина-торговца) Ѳед. Григ. Волковъ зимою 1750—51 г. Сперва онъ приспособилъ для этого сарай за городомъ при заводѣ своего отчима Полушкина—тоже посадскаго, но ярославскаго. Какъ увѣряютъ, заводъ Полушкина находился, будто бы, около Полушкиной рощи, сдѣлавшейся мѣстомъ загородныхъ прогулокъ ярославцевъ и полемъ дѣйствій странствующихъ увеселителей. Однако это ни чѣмъ не подтверждается и гораздо бо-

лѣе вѣроятности за то, что заводъ былъ за р. Которостлью. Послѣ первыхъ опытовъ, увѣнчавшихся успѣхомъ, Волковъ устроилъ уже настоящій театръ (деревянный), будто бы, на 1000 человѣкъ, что маловѣроятно, въ самомъ городѣ, на берегу Волги (не этотъ ли и былъ у Полушкиной рощи?), въ которомъ представленія шли и послѣ отъѣзда Волкова въ Петербургъ ко двору Елизаветы. Однако, съ истощеніемъ средствъ труппа —остатки волковской,— прекратила самостоятельное существованіе, и представленія давались уже лишь временно, то въ сиротскомъ домѣ, (гдѣ театръ былъ устроенъ А. П. Мельгуновымъ въ 1787 г., а сломанъ въ 1805 г.), то въ домѣ губернатора, бывшемъ на мѣстѣ нынѣшней духовной семинаріи, на берегу Которостли, и имѣвшемъ особый театральный залъ, то въ домахъ частныхъ лицъ, какъ наприм. у князя Д. М. Урусова—любителя сценическаго искусства. Этотъ князь въ самомъ началѣ XIX в. устроилъ довольно обширный театръ въ каменномъ зданіи на Которостльной набережной, близъ церкви Мих. арханг., гдѣ нынѣ веревочный рядъ. Труппа его состояла большею частью изъ княжескихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, но существовала также не долго. Театръ закрытъ около 1818 г. Послѣ всѣхъ этихъ странствованій колыбель русскаго народнаго театра обосновалась, наконецъ, какъ замѣчено, на Власьевской площади. Однако и послѣ этого существованіе ярославскаго театра было достаточно вяло и жалко и, если онъ выжилъ, то лишь благодаря любви къ дѣлу отдѣльныхъ частныхъ лицъ, вродѣ ярославскаго воеводы Бобрищева-Пушкина, собравшаго, по преданію, деньги для постройки перваго Волковскаго театра, названныхъ уже князя Урусова, архитектора Панькова, купца Алексѣева, положившаго на театръ все свое состояніе и даже принесшаго въ жертву ему свою

дочь, выданную за нелюбимаго человѣка—кредитора отца Смирнова и нѣкоторыхъ другихъ менѣе видныхъ дѣятелей

Ярославскій театръ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ многихъ знаменитыхъ представителей русской сцены. Кромѣ Волкова и И. А. Дмитревскаго—перваго біографа Волкова. въ немъ подвизались: Шумскій, Громовъ, Ленскіе, Горевъ, Самойловъ, Арди и др. Андреевъ Бурлакъ, Косицкая Стрепетова начали свою дѣятельность на его подмосткахъ; М. С. Щепкинъ, Живокини, Федотова Ермолова не разъ выступали на нихъ. Собственно говоря, ярославскій театръ долженъ былъ бы служить мѣстомъ паломничества каждаго русскаго истиннаго актера. Всѣ они должны считать за свой непремѣнный долгъ и обязанность дать на сценѣ этого театра хотя бы одинъ спектакль съ какою-либо благотворительно-просвѣтительною цѣлью, какъ-то: на созданіе подобающаго Волковскаго театра,—колыбели русскихъ театровъ, за каковой ни коимъ образомъ нельзя счесть имѣющій быть выстроеннымъ Спиринскій театръ, рѣшительно ни чѣмъ (даже хотя бы надписью) не напоминающій о Волковѣ; на постановку памятника Волкову, на устройство народнаго театра (или даже театровъ), музей и галлерею сценическихъ дѣятелей, пріютъ для престарѣлыхъ изъ нихъ. театральную библіотеку и т. д. Между тѣмъ ничего такого не было и нѣтъ, къ стыду «бритой братіи». Многіе изъ нихъ не слыхали даже имени Волкова и ничего о Волковѣ и о возникновеніи русскаго народнаго театра; изъ играющихъ въ ярославскомъ театрѣ лишь весьма немногіе бывали въ древлехранилищѣ мѣстной архивной комиссіи и ни отъ кого изъ бывшихъ тамъ еще не поступило ни копѣйки въ фондъ на памятникъ Волкову, хотя пригласительные плакаты объ этомъ вывѣшены и въ прихожей, и въ другихъ

мѣстахъ. Конечно, все и всегда можно оправдать нуждою, но та же самая нужда удѣляетъ кое-что и на карты, и на выпивку, и на пр. Едва ли не первымъ заговорилъ о почтеніи Волкова соотвѣтствующимъ памятникомъ его собратъ по искусству М. С. Щепкинъ, но тогда было совсѣмъ не подходящее для этого время. Въ 1870 г. Н. А. Борисовскій, содержавшій ярославскій театръ, далъ одинъ спектакль въ пользу фонда Волковскаго памятника; этотъ спектакль принесъ 32 руб., переданные Борисовскимъ въ городскую думу. Такъ ярославцы чтили своего знаменитаго согражданина. Наконецъ, по почину Н. Г. Работнова и нѣкоторыхъ изъ членовъ мѣстной архивной комиссіи, послѣдняя подняла въ 1898 г. вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Волкова и о празднованіи 150-лѣтія существованія русскаго провинціальнаго театра. Благодаря содѣйствію Русскаго театральнаго общества и непремѣннаго попечителя комиссіи ярославскаго губернатора Б. В. Штюрмера, положившаго на это дѣло не мало хлопотъ, задуманное комиссіею начинаніе увѣнчалось успѣхомъ; 10-го февраля того же года разрѣшено открыть повсѣмѣстную въ Россіи подписку по сбору пожертвованій на памятникъ Волкову, и мѣстомъ сосредоточенія поступающихъ суммъ назначена комиссія. Пожертвованій до сихъ поръ поступило около 10.000 руб. Незначительность этой суммы объясняется тѣмъ, что дѣятельность комиссіи въ этомъ направленіи встрѣчала много препятствій.

По поводу сказаннаго можно сдѣлать любопытное сопоставленіе. Въ первыхъ годахъ XIII в. въ Ярославлѣ возникаетъ первое во всей средней и сѣверной Россіи училище, но существуетъ не долго, а спустя 500 лѣтъ ярославцевъ обучать грамотѣ приходится почти насильно. Въ 1786 г. въ сиротскій домъ еле-еле удалось, добыть да и то всего

трехъ воспитанниковъ; въ 1803 г. въ открытый лицей учениковъ — въ количествѣ пяти человѣкъ — выписали изъ московскаго университета: имѣстныхъ не нашлось. Чрезъ 530—540 лѣтъ послѣ перваго училища здѣсь возникаетъ первый же, но уже во всей Россіи, народный театръ, — другое просвѣтительное учрежденіе. Онъ существуетъ также не долго, а затѣмъ влачитъ жалкое полусуществованіе, то вяло дѣйствуя, то совершенно бездѣйствуя. Въ 1786 г. въ городѣ начинаетъ выходить первый провинціальный журналъ „Уединенный Пошехонецъ“, редактируемый В. Д. Санковскимъ, писавшимъ въ стихахъ и прозѣ, но издается только годъ; затѣмъ идутъ естественно-историческое общество, — также одно изъ первыхъ провинціальныхъ научныхъ обществъ, статистическій комитетъ и т. д. и т. д. Все это вырывается на свѣтъ, начинаетъ дѣйствовать, иногда даже зацвѣтаетъ, а затѣмъ вянетъ, хиреетъ и нерѣдко, гибнетъ... О чемъ же это говоритъ? О томъ, что въ Ярославлѣ уже съ древности были (нарождались или появлялись) отдѣльныя лица, стоявшія высоко надъ толпой, пытавшіяся толкнуть эту толпу по пути развитія. Но эта толпа отличалась косностью и грубостью и не поддавалась воздѣйствію, чураясь, какъ дьявольскаго навожденія, всякаго просвѣщенія. И благія начинанія ярославскихъ свѣточей также быстро догорали, какъ и ярко вспыхивали.

Въ Ярославлѣ имѣется нѣсколько хорошихъ библіотекъ, каковы библіотека лицея, духовной семинаріи, архивной комиссіи, отчасти мужской гимназіи, кадетскаго корпуса, нѣкоторыя полковыя и другія. Однако, всѣ онѣ весьма мало доступны для частнаго человѣка и, кромѣ того, ихъ богатства остаются для большинства совершенно неизвѣстными, т. к. не имѣется не только сводного каталога ихъ, но и вообще ника-

кихъ каталоговъ не издано и не извѣстно ни въ обращеніи, ни въ продажѣ. Небольшія библіотеки существуютъ также почти во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, содержимыя на средства служащихъ при небольшой помощи отъ присутствій. Лучшими изъ такихъ по числу и подбору книгъ являются земскія библіотеки, но и онѣ страдаютъ замѣтной односторонностью. Были въ Ярославлѣ и частныя хорошія библіотеки, какъ-то: Е. И. Якушкина — единственная широко-доступная, И. А. Вахромѣева, Л. Н. Трефолева, С. А. Мусинъ-Пушкина и еще двухъ-трехъ лицъ. Но въ настоящее время первыхъ четырехъ уже нѣтъ. Якушкинская перешла къ сыну и дочери покойнаго, вахромѣевская, содержащая много матеріала по мѣстной исторіи, къ большому сожалѣнію, завѣщана владѣльцемъ историческому музею въ Москвѣ, а трефолевская и мусинъ-пушкинская разбиты и проданы наслѣдниками торговцамъ и частнымъ лицамъ. Небольшая часть послѣдней попала въ мѣстное реальное училище.

Общественной библіотеки не было въ городѣ до 1899 г., когда (17 октября) послѣ значительныхъ мытарствъ открыта была „Некрасовская“ народная безплатная библіотека-читальня «обществомъ для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній среди населенія Ярославской губерніи» (невозможный по длинѣ титулъ). Въ годъ открытія въ ней заключалось около 1000 книгъ. Позже то же общество открыло еще такую же «Герценовскую» библіотеку въ закоторостльной части города. Собственно говоря, библіотеки были здѣсь и раньше, но однѣ изъ нихъ, принадлежавшія собраніямъ и клубамъ, носили сословный характеръ и были доступны лишь для членовъ названныхъ учрежденій, другія же, открывавшіяся при книжныхъ лавкахъ, были, въ сущности, лишь читальни съ слу-

чайнымъ подборомъ книгъ. Учредители ихъ, потерпѣвъ убытки, теряли охоту просвѣщать ярославцевъ и прекращали свою дѣятельность. Изъ предпринимателей этого рода слѣдуетъ отмѣтить извѣстнаго Новикова, книжная лавка котораго была въ Ярославлѣ въ XVIII в., московскаго купца Н. В. Щепеникова державшаго библіотеку въ 1850 г.г. при книжной лавкѣ близъ Власьевской башни, Кокуева (1870 г.г.), передавшаго свою библіотеку Соболеву, затѣмъ Абдулова и, наконецъ, Наумова. Лучше всѣхъ была поставлена кокуевская, въ которой по каталогу, составленному въ 1878 г. Н. А. Архиповымъ, числилось 4278 №№. Но и эти предприниматели не могли вести свои дѣла только на книгахъ и, чтобы не терпѣть убытковъ, должны были торговать произведеніями чуть-ли не всѣхъ отраслей искусства и художественной промышленности; чисто книжныя лавки прогорали здѣсь блестяще и въ самое короткое время. Въ Ярославлѣ вообще покупать книги мало принято, и книга для большинства является „пустою забавою“, а чтеніе—безполезною тратою времени. Всѣ помыслы и заботы наши сосредоточены на одномъ: наживать и нажить какъ можно больше, для чего допустимы всѣ средства, а нужно это для того только, чтобы жить «по хорошему» т. е. отчаяннѣйшимъ буржуемъ. Поэтому вполнѣ понятно что впервые вопросъ о публичной библіотекѣ былъ поднятъ въ Ярославлѣ (въ 1830 г.) по почину правительства, а не общества, вслѣдствіе циркуляра губернаторамъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 марта 1830 г. Образованный кругъ мѣстнаго общества не сумѣлъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, и циркуляръ остался неисполненнымъ „по отсутствію средствъ“. Когда же ярославская интеллигенція доросла до пониманія необходимости общественныхъ библіотекъ,

то взглядъ правительства на эти библіотеки измѣнился въ противоположную сторону, и къ открытію ихъ уже ставились всякія препятствія. Въ 1890 г. К. Я. Введенскій—податной инспекторъ—подалъ губернатору записку и проектъ устава библіотеки съ просьбою предложить вопросъ объ открытіи городской библіотеки на обсужденіе думы. Дума мысль Введенскаго одобрила, а его проектъ устава съ запискою передала въ комиссію, гдѣ они и опочили. Въ маѣ 1894 г. присяжные повѣренные Н. А. Боевской и Е. М. Иваньшинъ, д-ръ Л. Н. Пирожковъ и П. Н. Скульскій подали губернатору А. Я. Фриде прошеніе разрѣшить учредить товарищество «Ярославская общественная библіотека». По проекту устава этого товарищества наименьшею платою за пользованіе книгами была назначена цѣна въ 5 руб. Столь высокая расцѣнка вводилась для того, чтобы легче получить разрѣшеніе. Однако, и эта уступка правительственному давленію не помогла, въ августѣ просителямъ отказали. Въ маѣ же 1896 г. они повторили просьбу и ссылались на то, что за прошедшіе два года въ городѣ закрылась одна изъ трехъ частныхъ библіотекъ, вслѣдствіе чего замѣчалось стѣсненіе въ пользованіи книгами. Въ доказательство просители приводили между прочимъ то, что на ихъ проектѣ устава въ короткое время подписалось 110 человѣкъ желающихъ обоего пола и ссылались на поощреніе открытія библіотекъ высшимъ правительствомъ. Ни то, ни другое не помогло, и въ іюнѣ просьба ихъ признана Фриде неподлежащею удовлетворенію. Почему?—Тайна канцеляріи. Однако назрѣвшая потребность рвалась наружу, и въ 1900 г., по случаю празднованія 50-лѣтія со дня смерти А. С. Пушкина, вопросъ объ общественной библіотекѣ въ Ярославлѣ былъ поднятъ вновь. Дума въ засѣданіи 31 мая 1900 г. постановила пору-

чить управѣ составить проектъ устава такой библіотеки, уполномочивъ ее приглашать къ участію въ этомъ дѣлѣ не только гласныхъ, но и стороннихъ лицъ. 10 марта 1902 г. наконецъ торжественно открыта въ помѣщеніи при театрѣ, выходившемъ на Стрѣлецкій бульваръ, Пушкинская общественная библіотека—позже всѣхъ уѣздныхъ городовъ. Управленіе библіотеки составлено изъ среды самихъ подписчиковъ по выборамъ. Но постояннаго помѣщенія у библіотеки не было, она занимала квартиру.

6 декабря 1899 г. вышелъ первый номеръ первой ярославской газеты «Сѣверный Край» подъ редакціею ея издателя Э. Г. Фалькъ—владѣльца типографіи. Съ его легкой руки газеты здѣсь стали плодиться и бывало, что выходило одновременно по четыре листа, не считая оффиціальныхъ. Однако, существовали онѣ недолго и быстро закрывались по недостатку средствъ. Интересъ и привычку къ газетѣ здѣсь создала японская война, со времени которой въ Ярославлѣ появились и «газетчики», а равно и газетные кіоски.

——

Заканчивая краткій обзоръ достопримѣчательностей Ярославля, слѣдуетъ замѣтить, что городъ съ своими древними храмами оригинальной, своеобразной красоты, расположенный на высокомъ берегу Волги, считается однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Поволжья. Много красоты придаютъ ему прекрасная набережная и чудный, тѣнистый бульваръ. Не безынтересна, можетъ быть, для многихъ будетъ небольшая историческая справка относительно устройства этихъ любимыхъ мѣстъ прогулокъ ярославцевъ. Мысль о необходимости укрѣпленія волжскаго берега въ Ярославлѣ появилась еще въ началѣ XIX в. Въ бумагѣ на имя ярославскаго губернатора А. А. Безобразова (отъ 27 сент. 1823 г.) главноуправляющій путями

сообщенія герцогъ Александръ Виртембергскій писалъ: „я получилъ Высочайшій Его Императорскаго Величества на имя мое указъ о составленіи проекта и смѣты укрѣпленія береговъ Волги и Которости въ г. Ярославлѣ. Государь Императоръ при личномъ обозрѣніи города, удостовѣрясь въ необходимости укрѣпить берега упомянутыхъ рѣкъ, дабы предотвратить на будущее время могущій послѣдовать вредъ строеніямъ отъ ежегоднаго размытія тѣхъ береговъ силою воды и напоромъ льда, и повелѣвъ министру финансовъ ассигновать на сей предметъ 200 тысячъ рублей съ распредѣленіемъ отпуска сей суммы въ продолженіи 6 лѣтъ, начиная съ 1824 г.,—повелѣть изволилъ командировать въ Ярославль чиновника корпуса инженеровъ путей сообщенія, коему вмѣнить въ обязанность по сношеніи съ вашимъ превосходительствомъ составить проектъ работъ укрѣпленія береговъ Волги и Которости, съ тѣмъ, чтобъ работы сіи произведены были въ 6 лѣтъ и чтобы смѣта для оныхъ не превосходила вышеозначенной суммы Во исполненіе сей Высочайшей воли предписалъ я управляющему III округомъ полковнику Яниту командировать нынѣ же въ Ярославль одного изъ способнѣйшихъ инженерныхъ офицеровъ для сочиненія проекта и смѣты“...

Командированъ былъ инженеръ-маіоръ Гермесъ. По его смѣтѣ для укрѣпленія береговъ на предположенномъ Безобразовымъ пространствѣ (въ 3 вер. 80 саж.) 200 тысячъ было мало. Чтобы пополнить недостающую сумму, Безобразовъ предложилъ употреблять въ работу безплатно ежедневно 150 человѣкъ арестантовъ и пріобрѣтать часть бутового камня безплатно съ приходящихъ къ Ярославлю судовъ. «Но и при сихъ пособіяхъ,—писалъ герцогъ Виртембергскій государю въ докладѣ (отъ 24 дек. 1824 г.) возможно было токмо на озна-

ченную сумму составить проектъ укрѣпленія береговъ р. Волги на 1070 и Которости на 168 всего на 1238 погонныхъ саженей»... Такимъ образомъ по исчисленію полковника Яниша, для укрѣпленія береговъ Волги и Которости на „..1238 погонныхъ саженей потребно всей суммы 351 703 р. 75 к.," а за вычетомъ арестантскаго заработка, считая по 1 р. 25 коп. въ день,—140 625 р. и стоимости 500 куб. саж. весьма крупнаго бутоваго или булыжнаго камня съ судовъ—15.000 р., всего 155,625 р.— нужно 196,078 р. 75 к.

Комитетъ министровъ положилъ 24 іюня 1824 г. и царь утвердилъ 18 октября того же года «разрѣшить... употреблять арестантовъ до 150 чел. ежедневно безъ платы, но съ тѣмъ, чтобы для сего не были тамъ (въ Ярославлѣ) нарочно удерживаемы арестанты или замедляемы производящіяся о нихъ дѣла, а посылались бы на работу тѣ только, которые по ходу дѣлъ необходимо должны еще оставаться подъ стражею». Предположеніе же о сборѣ съ приходящихъ на ярославскую пристань барокъ камня, «какъ неудобное и стѣснительное для судоходства, оставить безъ дѣйствія». Янишъ думалъ сборъ камня «въ отвращеніе остановки въ судоходствѣ» производить такъ образомъ, чтобы съ каждой баржи собирать по 1/4 саж. камня, но только съ тѣхъ, которыя приходятъ на ярославскую пристань для выгрузки или нагрузки товаровъ, а не съ мимопроходящихъ или на короткое время пристающихъ судовъ.

Набережная строилась довольно долго и сперва была обнесена деревянною рѣшоткою; чугунную же рѣшотку въ 1840 гг. поставилъ въ средней части набережной ярославскій купецъ Пастуховъ, владѣлецъ желѣзныхъ заводовъ на Уралѣ. Бесѣдки—«круглая» или «храмъ дружбы на холмѣ» у мякушинскаго спуска и «губернаторская»—противъ

губернаторскаго дома, —сломанная въ началѣ іюля 1909 г. —и ворота или мосты,—Подволгскіе, Семеновскіе и Благовѣщенскіе—строены въ духѣ архитектуры александровскаго царствованія по изданнымъ образцовымъ рисункамъ. Рисунки, впрочемъ, выбраны сравнительно еще довольно удачно, вслѣдствіе чего съ Волги ярославская набережная представляется довольно красивой. Первое время она заботливо поддерживалась, но къ концу 1860 гг. пришла въ запустѣніе, особенно часть ея отъ арсенальной башни до стрѣлки и по Которостли. Полотно набережной вытопталось и размылось дождями, на немъ стояли лужи, грязь и росла трава; рѣшетка сгнила и обвалилась, многія деревья подсохли и упали, откосъ заросъ крапивой и лопухомъ и во многихъ мѣстахъ былъ ободранъ и промытъ дождевыми ручьями и людьми, спускавшимися по немъ къ Волгѣ, за отсутствіемъ сгнившихъ лѣстницъ, гдѣ ни попало; повреждена была льдами и нижняя каменная облицовка набережной. Вмѣсто публики по набережной и откосамъ разгуливали больше обывательскія коровы и лошади, а на солнечной сторонѣ отдыхали на лонѣ природы зимогоры, цѣлыми десятками, почивая сномъ праведниковъ на сочной травѣ, въ разнообразныхъ непринужденныхъ позахъ. Въ нынѣшній видъ набережная приведена въ 1880 гг. заботами городского головы И. А. Вахромѣева. Тѣмъ не менѣе для полнаго ея благоустройства и красоты надъ нею нужно еще много поработать и притомъ дѣльному человѣку; особенно портятъ ея видъ всякіе хибарки, сараи, амбары и сторожки, настроенные внизу у каменной облицовки. Для купеческаго кармана это удобно и выгодно, но для благоустройства города нетерпимо. Къ сожалѣнію, эту простую истину понимаютъ очень немногіе.

На Волгскую набережную выходитъ

бульваръ, одна часть котораго—отъ Власьевск й площади до проѣзда—называется стрѣлецкимъ или казанскимъ (по монастырю), а другая—отъ проѣзда до набережной—названа ярославскою думою въ декабрѣ 1902 г., въ ознаменованіе 25-лѣтія со дня смерти знаменитаго поэта Н. А. Некрасова—ярославскаго дворянина и помѣщика—некрасовскимъ. На некрасовскомъ бульварѣ дума рѣшила поставить бронзовый бюстъ покойнаго поэта. Въ расходахъ по этому дѣлу изъявилъ желаніе принять участіе и братъ Некрасова Ѳедоръ Алексѣевичъ. Бюстъ былъ заказанъ, недурно исполненъ и доставленъ въ Ярославль, но когда Ѳедоръ Алексѣевичъ увидалъ его, то отказался отъ обѣщаннаго участія, такъ какъ нашелъ, что бюстъ сдѣланъ не согласно первоначальному предположенію и не исполняетъ своего назначенія. И былъ правъ. Городская управа по своему обыкновенію ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, а сама, очевидно, до многаго еще не додумавшись, сдѣлала бюстъ по его размѣрамъ неподходящій не только для бульвара, но и для большого зала. Пьедесталъ для бюста былъ тоже очень скроменъ. Словомъ, „памятникъ“ пѣвцу мести и печали, имя котораго съ величайшимъ почтеніемъ произносится въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ нашего отечества, удался вродѣ тѣхъ, что воздвигаютъ на городскихъ кладбищахъ мѣстные купцы «по своимъ родителямъ», на зависть прочимъ и для собственнаго услажденія во время панихидъ, въ поминальные дни. Вотъ ужъ истинно:

Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Такъ и стоитъ некрасовскій бюстъ въ заднемъ уголкѣ думскаго зала къ большому соблазну набожныхъ гласныхъ, чуждый имъ, чуждымъ, въ свою очередь, и Некрасову, и всякимъ „местямъ и печалямъ“.

Ярославскіе липовые бульвары—одно изъ украшеній города и лучшее мѣсто для отдыха и прогулокъ жителей. Особенно хорошо на нихъ въ іюлѣ, во время цвѣтенія столѣтнихъ, развѣсистыхъ липъ, когда воздухъ напоенъ сладкимъ и нѣжнымъ тонкимъ ароматомъ. Къ сожалѣнію, на бульварахъ очень немного бесѣдокъ, да и тѣ неуютны и некрасивы, террасъ же ни одной. За то есть кабакъ для „чистой публики" съ нѣвичками и отдѣльными кабинетами, съ пьянствомъ и скандалами.

Ярославскіе бульвары устроилъ бывшій ярославскій губернаторъ Ал. Мих. Безобразовъ. Они расположены какъ разъ на томъ мѣстѣ, по которому тянулся крѣпостной валъ, окружавшій т. наз. Земляной городъ, т. е. бывшій посадъ Рубленаго города, и доходившій вплоть до Угличской башни у Спасскаго монастыря. На валу было 8 башенъ, изъ которыхъ уцѣлѣли только двѣ,—упомянутая Угличская наиболѣе сохранившаяся и Знаменская или Власьевская, превращенная въ водонапорную башню городского водопровода. Валъ для бульвара срытъ около 1821 г. и пошелъ на засыпку бывшаго за нимъ рва. Стоявшія на валу башни разобраны: Волжская около 1820 г., Семеновская (бывшая въ бульварномъ проѣздѣ) въ 1823 г., третья, бывшая между этой и Власьевскою,—въ 1758 г. на устройство ограды Казанскаго монастыря. Разбирались эти башни не до бута, бывшаго во рву, а лишь до поверхности почвы, остальное заваливалось землею, какъ было. Благодаря этому, засыпаны цѣлыя т. наз. «отворотныя башни», бывшія у проѣзжихъ или воротныхъ башенъ и возвышавшіяся со дна рва лишь до „подошвы" вала. Заваленные землею своды такихъ башенъ, прѣя и разрушаясь, иногда обваливаются, вызывая обвалы и лежащей на нихъ земли. Въ образовавшихся такимъ обра-

зомъ провалахъ обнаруживаются стѣны отворотныхъ башенъ и порождаютъ множество слуховъ о подземномъ ходѣ, будто бы, существующемъ подъ всѣмъ валомъ и, будто бы, видѣнномъ «собственными глазами» очевидцевъ. На днѣ нѣкоторыхъ отворотныхъ башенъ скопляется довольно много почвенной воды, попадающей въ нихъ черезъ трещины. О такой водѣ ходитъ также много баснословныхъ слуховъ, свидѣтельствующихъ столько же о богатствѣ воображенія горожанъ, сколько и о ихъ темнотѣ, объ отсутствіи у нихъ самыхъ простыхъ, элементарныхъ знаній.

Названіе «стрѣлецкій» къ бульвару (и улицѣ вдоль него) перешло отъ бывшей за валомъ стрѣлецкой слободы, образовавшейся изъ стрѣлецкихъ семействъ, поселенныхъ на мѣстѣ слободы въ 1698 г. Петромъ I послѣ уничтоженія имъ разнузданнаго, буйнаго и своевольнаго стрѣлецкаго войска—этого доморощеннаго произведенія собственнаго государственнаго генія московской Руси.

При бульварѣ есть садикъ, закрываемый для безплатнаго посѣщенія его публикой при устройствѣ всякихъ гуляній; кромѣ того значительная часть садика занята рестораномъ. Выстроивъ этотъ кабакъ для „благородныхъ господъ“, т. е. вселивъ „въ мѣстѣ злачномъ“ скверну и мерзость и отнявъ этимъ у остальныхъ жителей и ихъ дѣтей хорошенькій уютный уголокъ съ его цвѣтниками, песчаными дорожками и бесѣдками, мудрая ярославская дума «американской» или, точнѣе, маклаческой складки водворила на мѣсто ихъ пошлую фигуру „человѣка“ и совсѣмъ ужъ животинную физіономію благороднаго посѣтителя—«гостя». Т. обр. отъ этихъ опротивѣвшихъ до тошноты и пока все еще неизбѣжныхъ спутниковъ россійской цивилизаціи теперь не укроешься и на бульварѣ. И здѣсь не от-

дохнешь душою отъ этой грустной давящей пошлостью, русской дѣйствительности.

Съ набережной р. Которостли, отъ Архангельской церкви, открывается широкій видъ на зарѣчье. Отсюда, между пр., видна и «*Стрѣлка*»—мѣсто, для Ярославля знаменательное во многихъ отношеніяхъ. Однимъ изъ памятныхъ событій разыгравшихся тутъ, было похищеніе въ 1440 г. вятчанами послѣдняго удѣльнаго ярославскаго князя, Александра Ѳеодоровича Брюхо, вмѣстѣ съ женою, изъ шатра, расположеннаго среди 7000 войска. Княжеская чета, уповая на милость Божію, расположилась въ военномъ лагерѣ по домашнему. Но пробужденіе нѣжныхъ супруговъ было не изъ пріятныхъ: пробравшіеся на зарѣ въ шатеръ вятчане изъяли ихъ изъ нѣжныхъ объятій и увезли въ Вятку въ плѣнъ. Освобожденіе изъ этого плѣна обошлось въ 400 руб., т. е. по тогдашнему времени въ очень солидную сумму.

Нынѣ Стрѣлка (полуостровъ-отмель) служитъ гл. обр. дровяною пристанью и лѣтомъ, пріютомъ т. наз. зимогоровъ или будиловцевъ, т. е. бездомной, безпріютной «меньшей братіи» нашей, жертвъ и рабовъ всесильнаго хмѣля, промышляющей крючной работой Пока Волга не «станетъ», они живутъ еще сносно, а съ ихъ точки зрѣнія даже хорошо, такъ какъ работы много. Значитъ, выпивка и харчи обезпечены, а больше ничего и не требуется: ложе-земля, кровля-раскидистая ива, рогожный наметъ, соломенный шалашъ или опрокинутая лодка. Костеръ—„теплынь“ довершаетъ комфортъ. Но зимою этому «сословію» приходится плохо. Безработица заставляетъ и красть, и бѣгать цѣлыми вереницами по домамъ и лавкамъ «благодѣтелей», раздающихъ хлѣбъ, булки и копѣйки, и намѣренно садиться въ тюрьму. Свое названіе «бу-

диловцевъ» этотъ народъ получилъ отъ трактира, бывшаго на мѣстѣ пристроеннаго къ гостинницѣ «Столбы» крыла, содержавшагося купцомъ Будиловымъ, привѣчавшимъ эту меньшую братію и нажившимъ отъ нея деньги. Будиловъ умѣлъ обращаться и ладить съ этимъ людомъ, умѣлъ угодить ему. Его любили и почитали чуть не за благодѣтеля. Въ свою очередь и онъ не имѣлъ причинъ жаловаться на своихъ посѣтителей.

Будиловецъ, зимогоръ, золоторотецъ, босякъ или ратникъ босой команды, золотой роты—все это различныя названія одного и того же сорта людей, составляющихъ неизбѣжную принадлежность крупныхъ приволжскихъ городовъ и весьма своеобразный, особый, во многомъ любопытный міръ. Это то „дно", съ представителями котораго познакомилъ свѣтъ М. Горькій и отчасти Маковскій. Въ мірѣ «зимогоріи» крайнее паденіе и озвѣрѣніе нерѣдко уживаются рядомъ съ проявленіями удивительно трогательной, чудно-наивной нѣжности и умилительной непосредственной доброты, непостижимой, ничѣмъ необъяснимой преступности и лелѣянія свѣтлаго идеала высокой справедливости. Часто въ этомъ отверженномъ мірѣ приходится слышать и суровую, какъ судьба, безпощадную, трезвую правду, и неподкупный, неумолимый приговоръ, вмѣстѣ съ яркою ослѣпляющей мыслью. Но, въ общемъ, міръ будиловщины—страшный міръ. Особенно жестокъ и безжалостенъ онъ къ женщинѣ, непостижимымъ образомъ ухитряющейся найти нѣчто привлекательное даже и тутъ. Правда, будиловскія дамы тоже со „дна", но не всѣ онѣ отребье и отбросы, попадаются среди нихъ, хотя не часто, порядочныя, а съ виду приличныя и недурненькія. Тѣмъ не менѣе зимогоръ смотритъ на женщину, какъ на нѣчто крайне презрѣнное и подлое.

«Стерва», „змѣя“, „гадина“, „шкура“ — вотъ что чаще всего слышитъ отъ своего „кота“ подруга зимогора, какая-нибудь кривая Машка или косая Дашка, не смотря на всю глубину своего паденія, все же еще не совсѣмъ утратившая «подобіе Божіе» и „душу живу“. Въ нихъ, въ этихъ Дашкахъ, и стыдъ еще не угасъ, да и чувство порядочности не вытравлено окончательно. Поступки милаго нерѣдко конфузятъ такихъ Машекъ, и онѣ пробуютъ останавливать своихъ «идоловъ»: «отстань, идолъ! Вишь, баринъ идетъ, не хорошо»!. Но идолъ глушитъ слабыя вспышки былого женственнаго чувства «шкуры» поднесеніемъ къ самому ея лицу увѣсистаго кулака съ добавленіемъ краткаго, но вразумительнаго и выразительнаго: „видала“? Зимогоръ высасываетъ изъ женщины своего круга все, что только можно; она его безотвѣтная, покорная раба—оплеванная, обруганная, осмѣянная, загнанная и безправная. Ихъ не только бьютъ безбожно и безчеловѣчно, пинаютъ, какъ собакъ, но надъ ними еще издѣваются, ихъ мучатъ, сѣкутъ крапивой и т. п. Всего не перечтешь. Все это считается дозволеннымъ и даже ничего особеннаго не представляющимъ, потому что «одно слово—шкура». Заступиться за несчастную нельзя ни своему, ни чужому,—опасно и безполезно. Заступника изобьютъ до полусмерти, а защищенной некуда дѣваться. Волей—неволею она опять придетъ къ мучителю и, какъ бездомная собака, будетъ ждать его милостиваго взгляда, униженно вымаливая прощенія, невѣдомо въ чемъ. Вѣчно въ синякахъ, исщипанная, искалѣченная, съ клоками выдранныхъ волосъ, зимогорка терпитъ всю эту каторжную муку ради грубой ласки своего „кота“ и безмѣрно счастлива, когда удостоится ея. Глядя на этихъ „царицъ міра“, не знаешь, чему больше дивиться,—способности-ли человѣка

падать, казалось бы, до невозможныхъ предѣловъ, или способности и на такихъ степеняхъ паденія сохранять еще кое-что человѣческое. Самоубійствъ среди зимогоровъ почти не бываетъ, особенно среди ихъ женщинъ, но насильной смертью послѣднія кончаютъ нерѣдко. Хватитъ „неловко“ какой-нибудь „стрюкъ“ свою милую по виску или «подъ микитки», глядишь та и Богу душу отдала. Смерть ея въ большинствѣ случаевъ не вызоветъ ни жалости, ни раскаянія, а лишь одинъ страхъ «отвѣта», т. е. наказанія, потому—собакѣ собачья и смерть. Да въ большинствѣ случаевъ подобныя преступленія и совершаются „безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“, а просто по установившеся среди зимогоровъ взгляду на неограниченную выносливость женщины: онѣ—треклятыя, какъ кошки, живучи, какъ ни бей—отдышатся... Нельзя скрыть убійства,—оно дойдетъ до суда, и совершившій его поступитъ на высшіе курсы—въ «волчью академію» довершать свое образованіе, т. е. въ тюрьму, а представится удобный случай, и будутъ знать о немъ только широкая Волга да залитая водкою безпробудно-пьяная душа бывшаго человѣка,—иногда съ высшимъ образованіемъ, съ княжескимъ титуломъ, съ знаніемъ иностранныхъ языковъ. Общественное устройство зимогоровъ, по преимуществу, артельное, коммунарное; «староста» этой своеобразной коммуны между пр. считаетъ необходимымъ носить необыкновенно широкіе, какъ юбки, штаны на гачникѣ, иногда плисовые, лоскутный (набранный изъ лоскутковъ) пестрый кисетъ для махорки, жилетъ и красную кумачную рубаху; на спинѣ холщевая „подушка“, спереди «присяга»—фартукъ, на ногахъ всегда лапти,—легко и мягко. Это обыкновенно дѣтина вершковъ двѣнадцати роста, косая сажень въ плечахъ, кулакъ съ дѣтскую голову. Поднимаетъ

онъ пудовъ отъ девяти и до пятнадцати, держитъ себя степенно и горделиво съ сознаніемъ собственнаго достоинства, смотритъ звѣремъ, говоритъ мало, но внушительно, да и то больше рычитъ, идетъ или впереди артели, или особнякомъ, не торопясь, сановито. Во многихъ приволжскихъ городахъ у зимогоровъ есть своя «биржа»,—въ Рыбинскѣ, наприм., Вшивая горка. Лѣтомъ иногда зимогорятъ и крестьяне ради большаго заработка, такъ какъ сильный и крѣпкій мужчина въ горячую пору добываетъ до двухъ и даже до трехъ рублей въ день. Это „сословіе„ живетъ цѣликомъ около Волги, она для него въ прямомъ смыслѣ кормилица; и весною, наголодавшіеся и натерпѣвшіеся за зиму всякихъ бѣдъ зимогоры цѣлыми партіями прохаживаются по набережной съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ,—скоро ли тронется родимая и понесется надъ ея гладью: «ой, зеленая сама пойдетъ!»...

Ярославль, какъ извѣстно, издавна, почти съ XV в., служилъ мѣстомъ ссылки. Изъ удѣльныхъ ярославскихъ князей лишь очень немногіе были хотя сколько нибудь выдающимися людьми, особенно послѣдніе изъ нихъ отличались своею незначительностью и ничтожествомъ. Благодаря этому, лукавая и жадная Москва рано подобрала Ярославль къ своимъ рукамъ, и они были, скорѣе, ея раболѣпными чиновниками, чѣмъ самостоятельными владѣтельными князьями. Нельзя сказать, чтобъ Москва любила Ярославль, она лишь довѣряла ему, видя его безпомощность и слабость, и потому уже съ XV в. сдѣлала его мѣстомъ ссылки. Въ 1479 и 1488 г.г.— по взятіи Новгорода Иванъ III выслалъ многихъ тамошнихъ купцовъ, дѣтей боярскихъ и черныхъ людей въ города старой Ростовской области, въ томъ числѣ и въ Ярославль, однихъ въ тюрьмы, другихъ на посадъ, третьихъ въ уѣздъ,— въ московскія помѣстья.

Въ 1493 г. въ Ярославлъ присланы подъ стражу въ заточеніе братья князя Михаила Романовича Мезецкаго Семенъ и Петръ, преданные Литвѣ и ненавидѣвшіе Ивана Ш. Но Михаилъ всталъ на его сторону, схватилъ братьевъ и самъ привезъ ихъ въ Москву.

Съ 1506 г. томился въ ярославской тюрьмѣ султанъ Каданкуль, сынъ Ахметъ-Аминя, хана казанскаго. Изъ тюрьмы его освободило лишь принятіе христіанства, при крещеніи его назвали Петромъ царевичемъ.

Въ 1542 г. въ Ярославль сосланъ кн. Петръ Щенятевъ, другъ потомка ярославскихъ князей кн. Ив. Өед. Бѣльскаго.

Въ 1605 г. переведенъ изъ Углича сосланный туда Б. Годуновымъ шведскій принцъ Густавъ—образованный и ученый человѣкъ. Ссылку съ нимъ дѣлила его возлюбленная, привезенная имъ изъ г. Данцига и позже измѣнившая ему. Густавъ умеръ въ Кашинѣ, куда перевели его изъ Ярославля.

Въ 1606 г. въ Ярославль сосланъ Лжедимитріемъ I Гришка Отрепьевъ за пьянство и безпутство, а немного спустя жена самозванца, тщеславная и настойчивая, рѣшительная маленькая панна Марина Мнишекъ со свитою въ 375 чел. Ихъ водворили за валомъ Земляного города, какъ думаютъ, на нынѣшней Большой линіи.

Съ 1620—1630 г. жилъ здѣсь въ ссылкѣ старшій сынъ сибирскаго царя Кучума-Алея царевичъ Алжанай Кучумовъ со свитою.

Въ 1682 г. сосланъ въ ярославскій Спасскій монастырь дѣдъ Петра I, отецъ его матери, насильно постриженный въ монахи съ именемъ Кипріана бояринъ Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ. Однако, изъ монастыря онъ ушелъ и самовольно вернулся въ міръ къ женѣ, съ которою и сталъ жить „безъ всякаго стыда и въ христіанскомъ благочести-

вомъ народѣ зазора" и «снѣди мясныя ѣстъ».

Въ 1698 г. Петръ I сославъ въ Ярославль на поселенье нѣсколько стрѣлецкихъ семей, образовавшихъ Стрѣлецкую слободу.

Въ 1742 г. переведенъ изъ Сибири герцогъ Бирон съ семействомъ и жилъ здѣсь въ домѣ Мякушкина близъ «круглой» бесѣдки до 1761 г., причиняя множество непріятностей и безпокойства всѣмъ мѣстнымъ властямъ, начиная съ его караульнаго офицера и до магистрата включительно. У бироновскаго пастора Іогана Германа учился, по преданію, молодой Ѳ. Г. Волковъ и его товарищи нѣмецкому языку.

Въ 1822 г. былъ сосланъ полковникъ Лубенскаго гусарскаго полка, членъ тайнаго общества П. Х. Граббе за неуваженіе къ своему бригадному командиру Васильчикову. Сдавъ полкъ въ 24 часа, Граббе отправился въ Ярославль съ своимъ деньщикомъ Иваномъ, едва имѣя на что доѣхать. Въ шестилѣтнее командованіе полкомъ онъ не составилъ никакого состоянія, тогда какъ другіе наживали огромныя. Нѣкоторые изъ пріятелей Граббе сложились и доставляли ему годовое содержаніе, безъ чего ему нечѣмъ было бы жить. Черезъ два года его вернули изъ сылки, принявъ на службу младшимъ полковникомъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ.

Въ 1826 г., съ 26 іюля по 4 августа по вечерамъ проѣзжали чрезъ Ярославль въ ссылку въ Сибирь декабристы Арт. Муравьевъ. Давидовъ, Якубовичъ, Оболенскій, П. Бестужевъ, Кожевниковъ, Трубецкой, Волхонскій, двое Борисовыхъ, Коновницынъ, Фохтъ, Цибриковъ, А. Муравьевъ, Голицынъ и трое неизвѣстныхъ, а 11 ноября 1827 г. И. Д. Якушкинъ—отецъ извѣстнаго ярославскаго общественнаго дѣятеля, столь памятнаго Ярославлю Е. И. Якушкина. А. Муравьевъ и И. Якушкинъ видѣлись

здѣсь первый—съ отцомъ и братомъ, а второй—съ женой и дѣтьми. Мѣстное образованное общество и само начальство относились къ декабристамъ съ замѣтнымъ сочувствіемъ, и съ ними многіе изъ жителей города видѣлись и разговаривали, въ томъ числѣ и дѣдъ автора, священникъ И. П. Тихомировъ, отмѣчающій это въ своихъ запискахъ.

Въ 1831 г. въ Ярославлѣ содержались польскіе генералы возстанія и среди нихъ Крюковецкій—польскій дѣятель. Жили они, хотя и подъ бдительнымъ надзоромъ, но свободно, посѣщали балы и маскарады и были приняты въ обществѣ. Въ 1840 г.г. нѣкоторые сосланные поляки поступили даже на казенныя должности, наприм. Іерон. Кондратскій, бывшій „писцомъ низшаго разряда“ ярославскаго губернскаго правленія. Но темная масса народа смотрѣла на нихъ косо подъ вліяніемъ толковъ „охранителей“; въ Костромѣ возникло даже дѣло, связанное съ Ярославлемъ, о заговорѣ поляковъ сжечь Кострому. Нашлись и свидѣтели: дворовая женщина, кантонистъ и мальчикъ мѣщанинъ. Слѣдствіе не дало ничего.

Въ 1864 г. въ городѣ жило въ ссылкѣ подъ надзоромъ полиціи: по высочайшему повелѣнію 67 чел., по судебнымъ приговорамъ 71, по распоряженію намѣстниковъ царства Польскаго и Кавказа 9, министра внутреннихъ дѣлъ 12, генералъ-губернаторовъ—9. Всего 168 чел. Въ 1860 г.г. изъ сосланныхъ кавказцевъ здѣсь жили: черкесы Гашимъ, Гамирезъ и Булатъ, отпущенные на родину въ 1867 г. при пособіи отъ общества вспомоществованія бѣднымъ, Оруджа Курбанъ Оглы—переведенный изъ Тамбова, Ширинъ Рахманъ Али Оглы, Гемда Зонтарій—умершій здѣсь въ ссылкѣ въ 1868 г., Жахмара, Магама Тино Магама Оглы—крестившійся съ именемъ Александра Шаховского и, какъ таковой, отправленный этапомъ въ

избранное имъ мѣсто жительства въ Екатеринодаръ, Оски Цускаровъ и др.

Въ то же время (1868 г.) здѣсь же жила дворянская дѣвица Лидія Алекс. Гусева, сосланная по политической неблагонадежности, и небезызвѣстный польскій дѣятель патеръ Фелинскій, прожившій въ городѣ болѣе двадцати лѣтъ.

Въ Ярославль же послѣ помилованія былъ сосланъ на жительство и столь нашумѣвшій Густавъ Шмидтъ, морской офицеръ, судившійся за продажу иностранной державѣ плановъ Кронштадта. Онъ здѣсь женился и обзавелся домомъ, но послѣ переселился въ Минскъ и былъ выбранъ представителемъ Минской губерніи въ третью Государственную Думу. Однако Дума исключила его изъ своихъ членовъ. Состоя въ союзѣ русскаго народа, онъ издавалъ въ Минскѣ листокъ съ рѣзкимъ правымъ направленіемъ.

Въ мартѣ 1908 г. прибылъ въ Ярославль въ ссылку подъ полицейскій надзоръ на три года другой польскій ксендзъ Іосифъ Бородзичъ (изъ Виленской губерніи), но прожилъ здѣсь не долго, переѣхавъ въ апрѣлѣ, съ разрѣшенія губернатора, въ Рыбинскъ.

Заканчивая очеркъ Ярославля, нельзя не упомянуть что онъ,—расположенный на главной водной артеріи всей Россіи--Волгѣ и соединенный желѣзными дорогами съ Петербургомъ, Москвою, Архангельскомъ и Вяткою, т. е съ Бѣлымъ, Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями, съ Сибирью и Закаспійскимъ краемъ и Азіею —имѣетъ большое *торгово - промышленное значеніе*, особенно для сѣвера Европейской Россіи, снабжаемаго имъ всѣмъ необходимымъ, отъ хлѣба до огурцовъ включительно. Но служа большимъ складочнымъ мѣстомъ, онъ, благодаря близости столицъ и удобству полученія изъ нихъ всего нужнаго, развилъ свою промышленность еще далеко не въ такой сте-

пени, въ какой могъ бы сдѣлать это при иныхъ условіяхъ. Изъ его промышленныхъ заведеній можно отмѣтить лишь: Ярославскую Большую Мануфактуру или Корзинкинскую бумаго-прядильно-ткацкую фабрику, съ рабочимъ населеніемъ въ 10, а всего до 18.000 чел., махорочныя фабрики Дунаева и Вахрамѣевыхъ (двѣ), спичечную Дунаева, кондитерскую—«Бель-Форъ» Кузнецова; заводы: бѣлильные Оловянишникова и Вахрамѣевскіе (два), краско-терочный Вахрамѣева, колоколо-литейный Оловянишниковыхъ, пивоваренный—Сѣверная Баварія, валяльно-войлочный, епархіальный свѣчной; три паровыя мукомольныя мельницы—Вахрамѣевская, Коровниковская и Тверицкая, три общественныхъ бани—„Центральныя“—Оловянишникова и двѣ Мурановыхъ и трамвай съ электрическою станціею анонимнаго (?) бельгійскаго общества, открывшаго движеніе по городскимъ линіямъ въ декабрѣ 1900 г., а электрическое освѣщеніе начавшаго вводить съ 1901 г.

Удовлетвореніе нужды въ *народномъ образованіи* также еще не достигнуто въ желательныхъ размѣрахъ, хотя учебныхъ заведеній въ Ярославлѣ довольно много. Упомянемъ изъ нихъ Демидовскій юридическій лицей, учительскій институтъ, двѣ мужскихъ классическихъ гимназіи—казенную и Щеголевскую, четыре женскихъ,—Маріинскую, Екатерининскую (въ Сиротскомъ домѣ), Антиповой и Корсунской два мужскихъ реальныхъ училища—казенное и Фокса, военный корпусъ, духовную семинарію, мужское и женское духовныя училища, епархіальное женское училище, земскую фельдшерскую школу, городскую торговую школу, техническое Пастуховское училище, три городскихъ училища, Ольгинскій и Николаевскій дѣтскіе пріюты, дѣтскій садъ Нечаевой, городскіе классы рисованія, акушерскіе курсы и нѣсколько народныхъ училищъ—

Ильинское, Духовское, Вознесенское и пр. Изъ обществ. и тому подобныхъ учрежденій укажемъ: естественно-историческое съ музеемъ при немъ, астрономическое, врачей съ лечебницею для приходящихъ больныхъ и родильнымъ пріютомъ, ученую архивную комиссію съ древлехранилищемъ при ней, юридическое при лицеѣ, любителей драматическаго и музыкальнаго искусствъ («кружокъ»), художественное, фотографическое, для содѣйствія народному образованію и распространенія полезныхъ знаній въ населеніи Ярославской губерніи, съ двумя безплатными народными библіотеками, братство св. Димитрія съ библіотекою при немъ, «Молодая жизнь», вспомоществованія учащимся недостаточнаго состоянія, то же—учащимъ и учившимъ въ училищахъ Ярославской губерніи, взаимнаго страхованія отъ огня, взаимнаго кредита, вспомоществованія бѣднымъ и др

Газеты издается въ Ярославлѣ пять: «Губернскія Вѣдомости», «Епархіальныя Вѣдомости», «Русскій Народъ», «Ярославскіе Отголоски» «Голосъ» и журналъ „Приходская Жизнь“.

Въ заключеніе немного статистики.

Площадь, занятая городомъ, съ рѣками и улицами=1517 десятинъ или, точнѣе, 3,641,331 кв. саж. Изъ этого количества занято дворами и постройками 855,427 кв. с., а остальныя—садами, огородами, прудами, пустырями. Протяженіе улицъ=43690 пог. саж., изъ нихъ замощено (къ 1905 г.) 18000 пог. саж.; тротуаровъ асфальтовыхъ и каменныхъ 11970 п. с. щебенныхъ 64070 п. с. Восемь площадей города=53500 кв. саж., площадь садовъ=43100 кв с., протяженіе бульваровъ и набережныхъ=2010 п. с., протяженіе трамвайныхъ линій=12 вер. 141 п. с.

Всѣхъ домовладѣній въ городѣ насчитывается 3181, изъ нихъ на собственной землѣ 2749, на наемной 229, а

принадлежатъ они: мѣщанамъ 1385 домовладѣній, купцамъ и почетнымъ гражданамъ 492, крестьянамъ 466, дворянамъ 246, учрежденіямъ 198, прочимъ 191. Изъ нихъ доходныхъ 2008, съ валовымъ доходомъ около 800,000 руб. въ годъ. Отдѣльныхъ строеній на нихъ считается (за исключеніемъ самыхъ мелкихъ) 11862,—1384 каменныхъ, 358 смѣшанныхъ и 9994 деревянныхъ, изъ нихъ занято жильемъ 5915, службами 5947.

Общее количество нечистотъ вывозимое и спускаемое въ рѣки, съ банями, пивоваренымъ заводомъ, казеннымъ виннымъ складомъ и другими некрупными предпріятіями—до 35 милліоновъ ведеръ въ годъ, изъ которыхъ вывозится около 7 милліоновъ ведеръ (124850 бочекъ), остальное уходитъ въ рѣки и почву. Больше всего загрязнены вторая и третья части города, которыя больше всего и страдаютъ отъ заразныхъ болѣзней. Однако, составъ волжской воды подъ городомъ по химическому изслѣдованію не выходитъ изъ предѣловъ питьевой воды, окисляемость ея даже больше нормальной, она—0 0069, а нормальной—0,002—0 003. Не смотря на это, смертность въ Ярославлѣ очень значительна: изъ 1000 чел. здѣсь ежегодно умираетъ 42,5 (въ уѣздныхъ городахъ только 32.8, во всей же губерніи лишь 31.1) Особенно много умираетъ дѣтей: изъ 1000—339,3 тогда, какъ вообще въ Россіи умираетъ ихъ лишь 268,2. Ярославская смертность превышаетъ московскую на 50% , одесскую на 100, гельсингфорскую на 153 и цюрихскую—(въ Швейцаріи) на 222%.

Въ 1907 г. Ярославль владѣлъ капиталомъ въ 130,678 руб. наличными и въ 64 257 р. процентными бумагами, т. е. всего 194,936 р., сверхъ которыхъ у него было еще 401,009 р. спеціальныхъ капиталовъ. Долгъ города къ 1908 г. достигъ 730,187 руб., изъ которыхъ 339,563 р частнымъ лицамъ.

Нижняя ярославская Волга мала интересна въ археологическомъ отношеніи. Вниманіе археолога здѣсь останавливаетъ только с. Діевы или Дѣевы Городища, расположенное въ 25 вер. ниже Ярославля на мысу, образуемомъ р.р. Волгою и Шигалостью.

До 60 г.г. XIX ст. тутъ были еще замѣтны остатки древняго земляного укрѣпленія, образованнаго со стороны рѣкъ откосами береговъ, а со стороны материка рвомъ и валомъ. На площади городища, говорятъ, были курганы. Нынѣ никакихъ слѣдовъ былого у с. Діевыхъ Городищъ уже нѣтъ, даже преданія о немъ безмолвствуютъ, и село съ его окрестностями славится только каменщиками, считающимися лучшими чуть ли не во всей Россіи и извѣстными въ Петербургѣ, куда ихъ выписываютъ подрядчики для всѣхъ большихъ и отвѣтственныхъ работъ.

Недалеко отъ села указывали прежде слѣды боярской усадьбы Ѳомы Колычева, постригшагося въ монахи, а затѣмъ, по волѣ Грознаго, ставшаго митрополитомъ. Имя митр. Филиппа—печальника и заступника русскаго народа, безтрепетно говорившаго правду самому Грозному царю, съ особымъ благоговѣніемъ чтится этимъ народомъ, а церковь причла скромнаго, но безстрашнаго служителя Божьяго къ лику святыхъ. Къ сожалѣнію, въ Діевыхъ Городищахъ память о немъ ничѣмъ не увѣковѣчена.

О прошломъ Діевыхъ Городищъ ничего неизвѣстно и никакихъ изслѣдованій тутъ не производилось. Однако, можно предполагать, что это село было городомъ князей Дѣевыхъ, потомковъ романовскихъ удѣльныхъ князей. Съ другой стороны, если имѣть въ виду что село называется не городомъ или городкомъ а городищемъ, т. е. остатками города то его названіе можетъ го-

ворить намъ также и о доисторической славянской древности *).

Верстъ на 8 ниже Городищъ и почти столько же отъ лѣваго берега Волги въ глубь стоитъ село Абакумцево, на кладбищѣ котораго нашла успокоеніе отъ тяжелой безрадостной жизни „среди псарей“ мать Н. А. Некрасова и близъ котораго росъ самъ онъ—этотъ второй печальникъ русскаго народа, такъ любившій Волгу, родину и все русское. Дворянское гнѣздо «поэта мести и печали»—Грѣшнево — заброшено,—ничто не говоритъ въ немъ о Некрасовѣ и само оно уже въ чужихъ рукахъ. Ни родственники Некрасова, получившіе отъ него очень солидное наслѣдство, ни ярославское дворянство, украшеніемъ которому онъ служитъ, ни земство, ни общество писателей,-словомъ, никто не позаботился сохранить родовую усадьбу поэта-народника, предъ которымъ преклонялись уже при его жизни.

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

И. А. Тихомировъ.

---

*) Слово Дій стоитъ въ филологической связи съ латинскимъ deus - богъ, греческимъ Діана, славянскимъ - дѣва. Въ послѣднемъ словѣ в - благозвучной; уменьшительное отъ этого слова ярославскій говоръ произноситъ совершенно правильно, безъ в—„дѣушка“.